Его Снежинка, пятая справа

Автор:
Маргарита Ардо

Его Снежинка, пятая справа

Маргарита Ардо

Сердце моё забилось учащённо: боже мой, вот он – мой шанс! Внутри всё загорелось, и я внезапно встретилась глазами с Дороховым. Я вытянула макушку к потолку и улыбнулась, в ответ сверкнули чёрные глаза, достойные злого гения из Лебединого озера. Я бы не отвела взгляд, но теперь подобно юной Снегурочке скромно опустила ресницы – я должна сыграть эту роль, пора вживаться! Если бы я знала, что за препятствия мне придется преодолеть и с каким именно злым гением встретиться…

Маргарита Ардо

Его Снежинка, пятая справа

Глава 1

– Так, так, так, собрались! – захлопала в ладоши Римма Евгеньевна. – Что это такое?! Не снежинки, а лошади на пуантах! Первая, третья, шестая, вы парить должны, а не раскорякой о сцену шлёпаться!

Чайковский смолк, девчонки потупились. Из-за кулис повеяло сквозняком. Я застыла с посохом в руке на заднем плане и выдохнула с облегчением. Меня не назвали – я пятая снежинка справа.

Римма Евгеньевна, сама совершенно не выспавшаяся, но с неизменной осанкой королевы продолжала раздавать властные пинки, прохаживаясь между нами:

– Дамы, если Бурмейстер[1 - Первый постановщик балета «Снегурочка»] в либретто напишет с того света, что в царстве Деда Мороза пошёл ледяной град, я вам обязательно сообщу. А пока у вас нет задачи проломить подмостки! Парим! Зрителя не должны касаться ваши сложности!

Я старательно расширила веки, притворяясь, что мне ни капли не хочется спать. После десяти с лишним часов перелёта из тропически влажного Хайкоу до морозной Москвы, а потом ещё двух – в Ростов одной ночи отдыха было недостаточно. Даже несмотря на долгую разминку перед репетицией, меня по-прежнему манила мысль о кровати и подушках, а тело как-то само выдавало заученные движения. Раньше я бы никогда не подумала, что танцевать можно вот так… Однако после конвейера Снегурочек и Щелкунчиков на гастролях исполнение дошло до автоматизма.

Это не хорошо, – мысленно поморщилась я. – А как же искусство, творчество, красота? Нет, никак нельзя! Надо просыпаться!

Сквозняк вновь пощекотал спину. Я почувствовала, что нос слегка заложило. Из-за акклиматизации? Только этого не хватало! Я распрямила плечи, приподняла подбородок и улыбнулась не кому-то, а себе самой. Мама давно научила: «Всё у тебя внутри. Позитивный настрой творит чудеса. И даже простуду может побороть».

Оказалось вовремя – взгляд ассистента хореографа упал на меня, и Римма Евгеньевна благосклонно кивнула.

Сразу нос отложило, я обрадовалась. Мне никак нельзя быть на плохом счету. И дело не в том, что я плохо танцую – танцую я хорошо, к тому же у меня длинные руки и ноги – практически идеальные пропорции для балерины, а также подобающая внешность: выразительные глаза, высокие скулы, маленький нос и чувственный рот, прекрасная выворотность ног, гибкость, высота прыжка и подъём стопы. Но всё дело в росте. Когда меня принимали в десять лет в балетную академию, никто не знал, что мой рост вот-вот остановится. И в этом моя беда.

Если бы мне пришлось строить карьеру в советские времена, всё было бы ничего, а теперь моих почти ста шестидесяти сантиметров хватает только на то, чтобы маленьких лебедей танцевать и массовку в Щелкунчике. Папа возмущается, говорит, что таких, как я, поднимать легче. Но я не солистка, а кордебалет выглядит крайне негармонично, когда одна танцовщица слишком отличается от остальных. Поэтому путь мне один – в примы, и я сделаю ради этого всё что угодно!

– Элла, что с глазами? Открой их, наконец, мы уже не в Китае! – сказала Римма Евгеньевна и прошла мимо моей соседки справа.

Элка рядом на пол головы меня выше подкатила глаза к потолку, и вдруг в динамиках раздался голос главного:

– Всех танцовщиц, задействованных в «Снегурочке», прошу собраться на сцене для объявления.

Это разбудило девчонок лучше, чем окрики Риммы Евгеньевны, похожие на шлепки стэком. Прислушиваясь к чёткому шагу главного, все мигом посбрасывали тёплые гетры и штаны, оставшись в боди и пачках. Подтянулись остальные из-за кулис. Тоже в боевой форме и выправке.

Через несколько секунд Дорохов легко взбежал из зрительного зала на сцену. Высокий, красивый, статный, он когда-то танцевал первые партии в Мариинке, но сейчас ему сорок и его удел – хореография.

Работу в ростовском театре наш главный получил незадолго до моего прихода и теперь постоянно устраивает эксперименты, ворошит затаённые чувства артистов, как угли в костре, разжигая конкуренцию и пытаясь создать нечто из ряда вон. Наверняка Дорохов не прочь вернуться в Санкт-Петербург, как и я. Хотя и этот театр, говорят, совсем не плох. Мне не с чем сравнивать – после академии это моё первое место работы, однако я понимаю главного, мне тоже не особенно комфортно в чужом городе, слишком провинциальном и крикливом после гордой северной столицы на Неве.

Были и плюсы в рвении Дорохова: мы уже два раза за полгода летали за рубеж на гастроли. Однако перестановки в труппе, вливания молодой крови, увольнения и перетасовка солистов создавали в театре обстановку опасную и

напряжённую. Я не присоединялась к возмущениям девчонок в гримерках, ведь как известно, кризис таит в себе возможности.

Взволнованно и возбуждённо вместе со всеми я следила взглядом за главным. А тот, водя по воздуху точёным аристократическим носом и чеканя подмостки идеальным шагом, осматривал нас, как помещик крепостных актрис. Ничуть не экс-принц, а характерный красавец-злодей. У меня мурашки пробежали по голой спине. Что же он задумал на этот раз?!

– Коллектив, – как водится, безлично начал он, наконец, остановившись у края сцены – шажок назад и упадёт в оркестровую яму. – Сегодня я получил известие – наша прекрасная Арина Воеводина, исполняющая главную роль Снегурочки в балете, собралась в декрет. Ей, конечно, далеко ещё до исполнения роли Матрёшки, но мы должны подготовиться заранее.

Весь кордебалет затаил дыхание, а Дорохов продолжил:

– У нас, безусловно, есть дубль на замену Воеводиной, но я хочу видеть совершенно новую Снегурочку! Ту, которая сможет не только показать красивые па, но и сыграть. По-настоящему сыграть, как тает холодное сердце девушки! Тем более что в марте мы повезём Снегурочку не куда-нибудь, а в Лондон! И потому… – он сделал паузу, во время которой было слышно, как трепещут два десятка сердец на сцене. – Потому я объявляю конкурс и буду с особым тщанием смотреть, кто из вас как работает. А ровно через месяц я выберу новую приму. Всё ясно? Готовьтесь, desmoiselles[2 - Барышни (франц.)]!

Сердце моё забилось учащённо: Боже мой, вот он – мой шанс! Внутри всё загорелось, и я внезапно встретилась глазами с Дороховым. Вытянула макушку к потолку и улыбнулась, в ответ сверкнули чёрные глаза, достойные злого гения Ротбардта из Лебединого озера. Я бы не отвела взгляд, но теперь подобно юной Снегурочке скромно опустила ресницы – я должна сыграть эту роль, пора вживаться!

Глава 2

После третьей картины, во время которой Снегурочка не послушала нас, снежинок, Деда Мороза и свою мать Весну, уговаривающих её не познавать опасные человеческие чувства, я не убежала в гримёрку, как обычно, а осталась за кулисами. Моё сердце билось учащённо после танца, тонкие белые чулки облегали разгорячённые ноги, и хотелось пить, но я прильнула к одной из стоек и стала наблюдать, как танцует наша прима.

Оркестр зазвучал приглушённо, на сцену опустилась синяя сеть, имитирующая сумерки Виолончели, гобои, флейты передавали зарождающееся смятение в сердце снежной девушки. В моём тоже чувствовалось нечто похожее – словно ожидание нового, неизведанного – чувство трепетное, нетерпеливое, жадное, но опасливое, испещрённое по краям острыми льдинками возможных препятствий.

Погрузившись полностью в наблюдение, я старалась не пропустить и штриха и мысленно повторяла движения за балериной: эпольман круазэ, соттам, сюиви, экартэ[3 - Балетные термины.]… Мельком глянула в зал – зрители притихли, тоже смотрят, ни одного огонька мобильного. Это достижение в наше время!

Арина была нежна и выразительна, она невесомо порхала в одеянии цвета вечернего снега, кружилась и замирала. А я думала: людям всегда нравятся результаты пролитого пота и дисциплины. Лёгкость, которую так приятно видеть, – это результаты десяти лет стёртых пальцев, неестественно вывернутых суставов и сбитых ногтевых пластин. Итог – изящество в белом, красота, нежность и возможность парить на пуантах – то, чего не добиться, лёжа на диване… Волшебство достигается только адскими усилиями.

На сцене Снегурочка, наконец, «решилась» пойти к людям – лицо её озарилось улыбкой. Кода завершена, синяя сеть лесных сумерек взмыла вверх. Свет разлился щедро на сцену и в звуки оркестра. Меня всегда поражали мгновенные переходы от сумрака к радости в музыке Чайковского. Снегурочка поспешно спряталась за декорацию дерева, на сцену выбежали парни и девушки из Берендеева посёлка.

– Женька, чего здесь стоишь? – спросил кто-то сбоку, выдёргивая меня из магии созерцания. Это была Элка.

Я пожала плечами.

– Мечтать не вредно, – усмехнулась Элка, догадавшись о моих намерениях, – но лучше не мечтать. Думаешь, Дорохов просто так роли раздаёт?

– А как? – резко обернулась я, рассердившись на это грубое пробуждение от мистерии танца, в котором и я невольно была соучастницей.

Элка выдала одну из своих скабрезных улыбочек.

– Слушай, ну вот только не строй из себя святую невинность.

– Я не строю, – буркнула я и пошла переодеваться.

В ногах ощутилась тяжесть. Нужно будет задрать их и полежать хотя бы минут пятнадцать. Главное – не заснуть случайно, как это произошло между двумя Щелкунчиками в Китае. Вовремя кто-то из работников сцены грохнул ящиком рядом…

?

Мысль о роли не выходила у меня из головы. И я решила – выучу всю партию, это увеличит мои шансы! Боже, где только её взять? Хотя… ведь Дорохов все спектакли и репетиции снимает, недаром театр полон камерами. Римма Евгеньевна потом выдаёт записи для работы над ошибками, но только нарезку – каждому своё.

Может, у неё попросить? Я закусила губу и сама себе мотнула головой. Нет, надо просить напрямую у Дорохова. Если он будет знать о моём намерении, возможно, станет более придирчивым, но внимание так или иначе направит на меня, а это мне и нужно! Слишком просто быть одной из массовки, но я не ищу простоты.

Поспешно стерев мисцеляркой грим, хотя эти блёстки могут и неделю появляться в самых неожиданных местах, как иголки после новогодней елки летом, я наполнилась решимостью и вышла в коридор. За углом слышались голоса – ребята начали расходиться. Я опасливо оглянулась. Мурашки пробежали по коже.

«Я смогу. И ничего страшного тут нет!» – сказала я себе и направилась к кабинету главного.

Только протянув пальцы к ручке двери, я поняла, что по-прежнему кусаю себе губы и сжимаю тазовые мышцы от страха. И рассердилась на себя. Ну не четвертует же меня Дорохов! Я вдохнула-выдохнула и постучала в покрытое лаком деревянное полотно. Оно распахнулось сразу же. Чёрные глаза вперились в меня.

– Да? – рявкнул главный.

Пугаться было поздно. Я задрала вверх подбородок и выпалила:

– Я хочу участвовать в конкурсе на роль Снегурочки.

Дорохов с прищуром посмотрел на меня и усмехнулся. Красивый, зараза, и очень пугающий. Кажется, я опять начала кусать губу.

– Евгения? Проходи, – пропустил он меня в кабинет.

Я прошагала эти два метра, теряя слова и мысли где-то в холоде желудка. Дорохов молчал и не облегчал мне задачу. На середине кабинета, почти у его стола я обернулась. Злой гений смотрел на меня с любопытством коллекционера. Я сглотнула.

– Можно мне попросить у вас видеозапись партии Снегурочки?

Он чуть склонил голову, во взгляде появилось настолько хищное выражение, что я показалась сама себе глупой уткой, лично явившейся на приманку к лису.

– Если можно, конечно, – выдавила из себя я. – Я хочу выучить роль.

Дорохов усмехнулся и засунул руку в карман.

– Так уверена, что её получишь?

Я снова сглотнула.

– Н-н-н… я хочу постараться.

– То есть ты хочешь сказать, что не дорабатываешь на спектаклях, и у тебя остаётся достаточно ресурса, чтобы в свободное время разучивать не свои роли?

Недоумение и страх прокатились по спине ледяной волной, а Дорохов вдруг рассмеялся:

– Впрочем, мне всё равно, чем ты занимаешься в свободное время. Отчего бы и нет? Записывай. Флэшка есть?

– Может, в телефон?

– Нет, слишком большой объём файла.

Я суетливо принялась копаться в сумочке, понимая, что флэшки там точно нет, но казалось, что шанс может уплыть от меня из-за такой несусветной глупости. Коря себя на чём свет стоит, я продолжала копаться в надежде, что забытый неизвестно кем и когда гаджет попал куда-нибудь под подкладку. Дорохов приблизился, навис надо мной и когда усмехнулся, я почувствовала его внезапную близость – горячее дыхание у виска и запах японского парфюма. Я отпрянула от неожиданности и уткнулась бёдрами в стол. Дорохов будто ожидал такую реакцию, с тем же коварно-хищным выражением лица подался вперёд и опёрся обеими ладонями в стол, заперев меня, как в ловушку.

В моём животе всё свернулось в узел, в ногах тоже. Я уткнулась взглядом в точёный нос мужчины и подумала, что Элка была права, а я, кажется, не готова к такому развитию событий. В голове мелькнуло глупое: «А как бы поступила на моём месте Снегурочка?» Ни решить, ни сыграть я не успела. Дорохов подсунул мне под нос чёрную флэшку.

– Бери. Завтра вернёшь.

– Спасибо.

Дорохов с шумным выдохом отстранился и отошёл к ноутбуку. Мысленно пытаясь отдышаться, я выпрямилась, не зная, куда девать флэшку.

– Техника у тебя неплохая. Бледнеешь и краснеешь ты достаточно невинно, вполне в духе роли, – вдруг заявил Дорохов, не глядя на меня. Ткнул пальцем в клавиатуру, а затем всё же обернулся. В его чёрных глазах опять сверкнула тень злого гения: – А вот растаять от любви ты способна?

Я снова смутилась.

– У меня была пятерка по актёрскому мастерству.

Главный расхохотался, развалился в кресле и стал совсем похож на демона.

– При чём тут пятёрки?! Ты влюблялась когда-нибудь?

– Д-да… – опешила я.

– Ну вот и посмотрим тогда, – снова отвернулся он к компьютеру. – В общем порядке.

Я переступила с ноги на ногу, сжимая флэшку в пальцах.

– А запись?

– Там уже есть, как раз скинул себе. Всё, свободна, Евгения. Завтра без опозданий.

– Спасибо, Игорь Дмитрич!

Я выскользнула за дверь, как одна из теней в Баядерке, и выдохнула. Пронесло!

?

Смущённая и суетливая, будто кто-то мог застать меня выходящей из кабинета Дорохова и подумать неизвестно что, я натянула в гримёрке джинсы, дутую курку, кроссовки, намотала шарф и нахлобучила шапку. На автомате ноги вынесли меня из театра. Время приближалось к одиннадцати, но я почему-то не вызвала такси, а пошла к автобусной остановке. Уже в почти пустом автобусе поняла, что сглупила. Хорошо ещё, что в связи с акклиматизацией после Китая, усталостью, сумятицей чувств, в бесконечном мысленном прокручивании движений, код, па и пируэтов, села на нужный номер!

До своей остановки я доехала одна, погружаясь и выныривая из мыслей, нащупывая флэшку в кармане сумки. Несмотря на стресс с Дороховым, она грела мне пальцы, как намёк на то, что он не считает меня никчёмной.

Что я всё-таки могу! Впрочем, я и так это знаю, я решилась раз и навсегда распрощаться с депрессией вечного недовольства собой ещё на последнем курсе, и не позволю ей вернуться. Но всё же важно, чтобы и другие отражали твою уверенность или хотя бы намекали – пусть и так странно…

Я пробежала через дорогу от остановки и свернула на безлюдную аллею, а потом вверх на горку, к многоэтажкам, в очередной раз задаваясь вопросом, какого чёрта я снимаю квартиру так далеко от театра. Да, хозяйка Валентина Павловна очень мила, как и её жилище. Мне не приходится убирать свою комнату и готовить. К примеру, суп. Я не хожу за продуктами и в свободное время предпочитаю отдыхать. С Валентиной Павловной мне повезло, она – не просто добрая домоправительница, а скорее «арендованная бабушка» и приятная соседка, мы с ней весьма дружественно сосуществуем. Чистота, уют, занавесочки, рукоделия, цветущие огромные китайские розы, пышные азалии на окнах и почти домашнее тепло. Да и плачу я не много. Пока не доросла до солистки с прибавкой к зарплате, лучше о другом и не думать. Я ведь на самообеспечении.

Я миновала закрытые на ночь магазинчики, площадка перед которыми была освещена единственным фонарём на всю округу. Декабрьский ветер задул с пруда справа. Захотелось чаю. Я с надеждой взглянула на огоньки домов вдалеке. Жилой комплекс начинался за пустынной дорогой, по одну сторону от которой простиралось подобие лебединого озера, окружённое седыми камышами, а по другую – кромешные заросли чёрных кустов и ломаных, кряжистых абрикос без единого листка. Летом тут было чудо, как романтично, а теперь… Я поёжилась.

Внезапно зябкую тишину ночи взрезал звук быстро мчащегося автомобиля. Секунда, и из-за угла вылетела белая иномарка. Я едва успела отскочить в сторону. Машина не вписалась в крутой поворот. Со странным визгом пролетела в полуметре от меня прямиком в пруд, как в кино. Всплеск.

Я оцепенела, глядя на собственные кроссовки.

Всего в полуметре! Ноги, мои ноги! Я чуть не лишилась их, а без них мне ничего не станцевать. Никогда… Это мой инструмент! Мой… Дышать стало трудно, к горлу подкатила паника.

Однако ноги были целыми. Под звуки барахтанья, с мужским криком о помощи со стороны пруда я очнулась. Боже, что делать?! Там же человек! Вода ледяная! И, как назло, ни единой души вокруг!

Глава 3

О, судя по звуку от дороги, сюда ещё машины едут! Остановлю! – решила я и бросилась к краю высокого берега. Наклонилась, пытаясь хоть что-то разглядеть в темноте за перьями сухих камышей. Человек активно выбирался из воды сам. Плюхал, плескал, дышал громко, как конь, берущий барьер. Я выдохнула с облегчением, потому что я ни капли не герой и лезть в холодную воду – только не это, упаси Боже! Сердце сжалось. Я достала из кармана мобильный.

За спиной послышался визг тормозов. Я выпрямилась и снова оторопела: три громадных чёрных внедорожника остановились рядом. Из них высыпали на жухлую траву возле меня мужчины зашкаливающей крутизны в куртках и пиджаках. Пахнуло даже не «Ментами», а Голливудом, телохранителями и преступным миром.

Я вцепилась руками в сумку, мелочно радуясь лишь одному – они не по мою душу.

– Белую машину видела? Где она? – рявкнул из-за руля ближайшего ко мне внедорожника единственный, кто не вышел из автомобиля. Крупная голова,

крупный нос, высокий лоб с залысинами, мощная челюсть, щетина и тёмные круги глаз – почти негроидный тип, если бы не светлая кожа.

– Там… – Я показала пальцем в пруд, вновь содрогаясь от мысли о ледяной воде.

Шелест камышей ближе к магазину. «Он вылез!» – подумала я и крикнула:

– Там человек, спасите!

Амбалы бросились на шум и шелест. А я переступила с ноги на ногу, не зная, уже можно уходить или проследить, как его спасут.

– Может, скорую? Обморожение… – робко выдала я белокожему негроиду, мрачно следящему за остальными из авто. Краем глаза заметила громилу в чёрном, оставшегося около внедорожника, прямо у меня на пути.

Амбалы выволокли упирающегося мужчину наверх. Мелькнуло растерянное немолодое лицо. Крик: «Спасите!» И, подхватив его, как свёрток, амбалы запихнули «утопленника» в первый внедорожник. Заводя машину, негроид зыркнул на меня и бросил стоящему передо мной терминатору:

– Убери.

Что?! Это обо мне? Во рту у меня мигом пересохло.

– Ребёнок же… – буркнул тот.

Я?!

– Есть разница? Выполняй! – гаркнул босс.

Внедорожник тронулся с места, но притормозил.

Мои мышцы задеревенели. Расширенными глазами я впервые глянула на глыбу передо мной. И увидела лицо универсального солдата. Обезличенное. Жёсткое. И пистолет в руках. Чёрный. Почти, как бутафорский.

Темнота зимней ночи внезапно стала яркой, словно единственный фонарь позади превратился в прожектор. Я отступила по кромке пруда. В голове ни к месту забренчал радужный «Марш Радецкого». Барабаны. Тарелки. Скрипки. Литавры.

Универсальный солдат в два шага оказался рядом. И пистолет.

Это всё? Занавес? А роль?

– Не в ноги… – сипло выдала я и, зажмурившись, вжала голову в плечи.

Мрак навис сверху. Горло сдавило. В голове потемнело. Ноги ослабли. Марш оборвался звоном тарелки…

…

…

…

…

…

?

Я открыла глаза и увидела белый потолок. Во рту было сухо и противно, как после долгого, муторного сна. Я коснулась головы рукой и вязкую кашу внутри прорезала мысль:

«Господи, меня же убили!»

Вспышка воспоминаний отрезвила. Я рванулась встать, но сильная рука надавила на плечо и опустила меня обратно на что-то мягкое.

– Тише, тише, девочка. – На мою кисть опустились горячие пальцы – там где пульс.

Я повернула голову на голос и увидела то самое лицо из темноты – универсального солдата. Огромного, широкоплечего терминатора в распахнутой куртке поверх тёмной рубашки. Он сидел, нависая надо мной.

Я сглотнула и отодвинулась, ощущая ладонями тёплый ворс покрывала.

При свете терминатор оказался гораздо моложе – лет двадцать семь, не больше. Высокий, упрямый лоб, треугольником вперёд выступала стрижка – настолько короткая, что даже не понятно было: каштановые у него волосы или русые. Славянское лицо, не квадратное и не угловатое, но какое-то очень выделяющееся – будто каждая черта оттенена контурным карандашом, чтобы подчеркнуть несгибаемость характера и не способность шутить: правильная форма черепа, аккуратные уши, прямой нос, подбородок с ямочкой, скулы, брови, из-под которых в упор меня сверлили два серых глаза. Круги усталости под ними и полоска шрама между правой ноздрёй и верхней губой, как подтверждение боевого крещения участника драк и всех тех кошмаров, о которых я предпочитаю не знать.

– Всё хорошо, – кивнул он, убирая пальцы с моего пульса. – Голова не болит?

Отчего-то участливый тон меня возмутил так, что я отползла, пятясь, на другой край и выкрикнула:

– Убийца!

В серых глазах блеснула насмешка.

– В каком именно месте ты мертва?

Я сглотнула и прислушалась к телу. Пошевелила пальцами рук и ног, почувствовала бёдра, живот, позвоночник, грудь. Покраснела и моргнула, а он добавил:

– Голову можешь не упоминать. Она у тебя явно в изначальных настройках атрофирована.

– П-почему? – облизнула я сухие, как пустыня, губы.

Терминатор глянул на меня с ухмылкой и слегка пожал безразмерным плечом.

– Нормальные при виде бандитов, пистолетов и погони делают ноги. И пытаются не отсвечивать.

Я сглотнула и отползла ещё дальше, чуть не упала с кровати. Вовремя сбалансировала и села.

– А вы бандит?

– А на кого похож? – издевательский огонёк в глазах.

– На… терминатора…

– Ну так меня и зови, – кивнул он, заглянул в мой паспорт из сумки и добавил: – Женя.

Вместе с моим именем его низкий, раскатистый голос прокатился по комнате мягкой хрипотцой и коснулся меня так, что в моих лёгких тоже завибрировало, будто эхом. Так бывает при том особом звуке из динамиков, когда африканцы поют джаз или когда на сцену из оркестровой ямы подкрадываются ноты густой, низкой виолончели. Мурашки и вибрато, и почти мистический страх, щекочущий позвоночник от груди вниз, к животу и ещё ниже. Ощущение ловушки. Этот голос и он… Это неправильно. Это всё неправильно! И то, что он роется в чужих вещах, отвратительно и низко! – взметнулось снова негодование во мне.

– А ты хорошо сохранилась для своих… – он снова глянул в паспорт, – двадцати трёх. Думал, тебе четырнадцать.

Под его взглядом, полным нездорового любопытства, мой бунтарский порыв обледенел на взлёте и обрушился к ногам, словно птица в мороз. Вспомнились реплики на месте преступления. Ребёнка он бы убивать не стал, а взрослую

девушку?..

Но уже не скроешь и даже не сыграешь.

– Да, мне двадцать три, – севшим голосом ответила я. – Вы ошиблись.

И тут, вытянув из сумки пуанты на лентах, он присвистнул. Сразу же вытащил на свет белый вторые, с розовыми завязками. Да, я всегда ношу в сумке пару – постирать, привести в порядок, да мало ли, может в кровь мозоль сбиться, это частое дело и ничего страшного нет. Только в кино и на фото выглядит, как жуть и ужас. В глазах Терминатора любопытство заиграло опасными искорками:

– Балерина?

– Да…

Он посмотрел с двух сторон на пуанты в обеих руках и отложил их на тумбочку.

– Мда… балерина, – пробормотал он, словно это был диагноз о неприятной болезни. Ветрянке, например.

Ну да, такой лоб, наверное, слышал о балете лишь случайно. Впрочем, не он один подобным образом реагирует. Многие молодые люди начинают смотреть, узнав, что я балерина, как на неведомую птицу, попавшую на танцпол из потустороннего мира. Ещё хуже, когда говорю, что я вегетарианка и люблю классику.

Я осторожно встала с кровати и попятилась к стене – подальше от него. Осмотрелась. Комната на вид была обычной спальней. Ничего лишнего: тумбочка, кровать, стул, безликий шкаф из светлого дерева, светлые стены, пол, потолок, много пустого пространства. Стоп, а окна где? И я похолодела ещё сильнее при мысли: молодой мужчина и я, одни, в спальне без окон. Боже…

Я обхватила себя руками, чувствуя лопатками даже через свитер холодную стену, пока терминатор бесцеремонно рассматривал содержимое моей сумочки, выкладывая ключи, расчёску, косметичку, записную книжку, пакет с трениками и гетрами, чёрную флэшку…

– Ну и хорошо, – спокойно сказал он и поднял голову: – Больше гаджетов нет. От телефона я избавился.

Глядя на флэшку, как приворожённая, я думала о партии, о Снегурочке, об академии, где мне говорили, что ничего из меня не выйдет, о глазах злого гения Дорохова и о его словах про общие основания… Да, кажется, терять мне уже нечего.

– Это похищение? З-зачем… я… вам? – срывающимся голосом спросила я.

Терминатор встал во весь рост, в комнате стало темнее. Лицо по-прежнему бесстрастное, в глазах сарказм.

– Не зачем. Ты нужна мне, как медведю рога. Но выбор у тебя невелик: сидеть здесь тихо или кормить червей.

Мои глаза расширились.

Он качнул головой:

– Глазищи… В общем, у пруда я сделал его за тебя. За пределами этого дома его сделают другие. Ты видела то, что не должна была. Твоё дело теперь – не всплывать выше плинтуса и не отсвечивать, словно тебя нет. – Он замолчал, потом усмехнулся и ткнул в меня пальцем, словно вспомнил о чём-то. – Ах да, понял. О чести девичьей не парься, я не маньяк. Будешь вести себя хорошо, включишь голову, всё закончится нормально. Вопросы есть?

Пауза между нами стала густой и душной, словно время превратилось в хлопья едкого сценического дыма, у меня защипало в глазах. Кажется, в этой мерзкой тишине моё сердце стучало слишком громко.

– Сколько? – мало веря происходящему, сипло спросила я. – Сколько мне тут сидеть?

– Как пойдёт, – неопределенно пожал он плечом. – Неделя-две. В крайнем случае, месяц.

В моих висках загудело. Месяц?! Я замотала отчаянно головой так, что пряди отросшей чёлки выбились из хвоста и упали на лицо.

– Нет-нет! Я не могу, у меня роль… Отпустите меня, пожалуйста… Я никому не скажу! – я сложила руки молитвенно на груди. – Пожалуйста! Я не могу!

– И я не могу, – запросто ответил терминатор. – Босс тебя видел. У него фотографическая память на лица. И пока он в Ростове, и я в Ростове, ты сидишь здесь. Месяц. Год. Два. Без разницы. И это не мне нужно. Это нужно тебе, ясно? Можешь сказать «спасибо».

– Н-невозможно… совершенно невозможно, – выдохнула я.

Теперь расширил глаза он.

– Обалдеть, она ещё и торгуется!

– Да, извините, но… я правда никак не могу… – чужим, абсолютно писклявым голосом проговорила я. – У меня роль, у меня конкурс… Никто не узнает.

– Э, погоди! – скрестил на мощной груди руки терминатор. – Заруби себе на носу, Женя: мы так не играем. Тут только мои правила. И ты можешь – не можешь, хочешь – не хочешь, играешь по ним, пока жизнь дорога. Я не для того столько времени работал, чтобы…

Чувствуя себя пионеркой перед фашистом, я задрала дрожащий подбородок и выпалила:

– Убийства и бандитизм вы называете работой?! Это я работала, чтобы… чтобы… – голос срывался и подкатывали слёзы комом к горлу.

Он поднял руки и шумно выдохнул:

– Стоп. У меня всё.

И вышел из комнаты. Просто вышел! Я услышала, как на два оборота провернулся ключ и щёлкнул замок. Кажется, это, правда, всё. Но как такое

может быть? Со мной?

Я обессиленно опустилась на корточки у стены, губы дрожали от отчаянья. Почти сразу дверь открылась, показался мрачный Терминатор. Я сжалась в комок и затравленно посмотрела на него из-под волос.

Он быстро поставил на стул у двери пластиковую бутылку с водой и буркнул:

– Там. За дверью. Сама найдёшь. Спи!

Глава 4

Терминатор

Мы работали над этим проектом месяц. Затем выпасали объект ещё неделю, точно вычисляя время и место, когда тот окажется без охраны. Однако телохранители «Кролика Роджера», как в проекте обозвали одного из сбежавших лидеров сопредельного государства, были бдительны. Знал, что на него у слишком многих имелся зуб, и был осторожен. До глупости этой ночью, когда решил снять стресс подальше от супруги и лишних глаз.

Полагаю, мой босс Зубр приплатил любовнице, но это осталось вне моей зоны информирования. Зубр особенно не делится методами и не парится вопросами тимбилдинга. У каждого в команде есть свои задачи и границы понимания происходящего. Это естественно, мы не агенты ФСБ, ЦРУ, СБУ или других служб. Мы – наёмники, которым в данный момент платят якобы из того же сопредельного государства за то, чтобы выкрасть объект и доставить обратно. Что его там ждёт – суд, народный гнев или кровавый междусобойчик – нас уже не касается.

Каждый из нас – солдат в прошлом и настоящем. Только теперь это не разведгруппа под началом штатного командира, а зубастые профессионалы, работающие за деньги. Нет чувства плеча, нет откровений и не дай Бог кто-то из «коллег» узнает про семью. Впрочем, моя вряд ли помнит, как я выгляжу.

Практически сразу после срочной службы в отряде особого назначения я получил предложение, поучился немного и отбыл в соседнюю страну. Теперь, по новым паспортным данным, с новой причёской и подноготной я бы и сам себя не узнал. Порой не уверен, что люблю и где вырос, – настолько пророс в маску. Но моя работа важнее.

Я должен выйти на тех, кто отдаёт приказы Зубру.

Как мне сообщили по закрытому каналу, его след обнаружен в самых разных горячих точках далеко за пределами наших двух государств. Часто работает на опережение. Соответственно, велико подозрение на утечку из наших структур. Это задача номер два – выйти на источник сливов. Поэтому я работаю под глубоким прикрытием, и мои документы не отсвечивают в свободном доступе, их не листают в отделе кадров и мой номер не слить продавцам пылесосов, бесплатной диагностики и любителям раздавать кредиты.

Никто не ожидал, что Кролик Роджер окажется настолько прытким. Но всё же косым – в поворот не вписался.

– Свидетель! – рыкнул мне Зубр.

Я кивнул и бросился из машины к мелкой фигурке на берегу. Глянул на детское совсем, кукольное лицо, испуганные глазищи, и внутри ухнуло.

– Убрать! – распорядился Зубр, когда «Кролика Роджера» сцапали.

И проследил. Проверяет до сих пор, – понял я и перевёл взгляд на шапку с помпоном и белый нос. В тысячную долю секунды моё сердце провалилось в колодец, а мозг принял холодное решение. Пистолет в карман. Пальцы на сонную артерию тощей шейки. Пятнадцать секунд, и она обмякла. Придержал и визуально продавил дольше.

– Готова, – буркнул я Зубру, показательно пощупав другой рукой еле прослушивающийся пульс.

– Молодец, обошёлся без шума, – кивнул тот. – Избавься от тела.

Нажал на газ и тронулся с места вслед за другими бойцами. Я с досадой глянул на доставшегося мне «в пару» Эдика и аккуратно сложил «жертву» в багажник. Взглянул в фарфоровое лицо, нежное до безобразия, и облизнул пересохшие губы. Господи, в чём душа держится?! Прозрачная же! Хоть бы обошлась без инсульта – есть такая опасная побочка от этого приёма.

– Милашка, – глянул мне через плечо Эд, поигрывая пистолетом. – Была. Может, для верности пальнуть?

Я резко отшагнул и захлопнул багажник.

– Совсем баран? Приказ работать тихо тебя не касается?

Эдик осмотрел окрестности, очертания неизвестного завода на том берегу, уснувшие магазинчики, многоэтажки рядом, пруд и хмыкнул:

– Да уж, Кролик Роджер и без нас пошумел. Походу камер в обозримом пространстве нет.

– Поэтому делаем ноги и быстро, – распорядился я.

?

Всю дорогу в висках пульсировали две мысли: как избавиться от Эда и не прихватил ли девчонку инсульт. Даже голову заломило. К счастью, Эд зевнул и скорчил недовольную гримасу:

– Вторые сутки без нормального сна. Зубр жестит.

– Иди спи. Я справлюсь.

– Но Зубр…

– Не терпится фонариком посветить и лопату подержать? – усмехнулся я дружелюбно. – Я что, первоклассник? Справлюсь сам.

– Куда поедешь? – вздохнул Эд.

– В Кумженку, там есть нехоженые дебри.

– Ну да, – хмыкнул Эдик, поигрывая стволом. – У тебя же тут бабка жила?

– Да, пока жива была, в детстве проводил в Ростове каникулы.

– Потому Зубр тебя и выбрал?

– Нет. Я работать умею.

– Ну ладно, уговорил. Ты у нас салага, тебе и копать. Фотку пришли.

– Я кретин, по-твоему?

Эд рассмеялся, ткнув в меня пальцем и скалясь не очень хорошими зубами, добавил:

– Зримо, нет.

?

Я высадил Эда в центре, где тот оставил на парковке машину, и быстро погнал. Соображал тоже быстро, куда везти мелкую. Естественно, не в Кумженскую рощу. Вспомнил об адресе, который мне дали на непредвиденный случай, если что-то изменится и придёт распоряжение уже от наших – выкрасть обратно «Кролика Роджера» и поместить в безопасное убежище. Пока такого приказа не поступало – опальный беглец был расходным материалом. Но не эта невесомая балда в моём багажнике…

Спустился по узкой дороге через пустырь и кушери[4 - Кусты, заросли (казачье)] к Дону, объехал высокий забор, обнесённый сверху колючей проволокой. Открыл ворота, дом, багажник. Тёмная домина высилась прямо на берегу. Поднимая на руки мелкую, обнаружил, что пальцы дрожат. Убежище оказалось большим, двухэтажным и необитаемым. Комнаты застыли в состоянии вечного ремонта –

гипсокартон, банки с краской, полиэтилен и отсутствие мебели. Зашибись.

Я застыл с крохой на руках, осматриваясь, как хищник в засаде. Увидел лестницу, ведущую вниз. Вот там-то и было логово, практически бункер – готовая спальня с санузлом, коридоры, подсобное помещение, похожее на аппаратную рубку. Тоже всё замершее в цепком паутинистом ожидании, словно на тумблере выключили время.

Размышлять было некогда. Я врубил электричество, отопительный бак одной рукой. Затем положил девочку на кровать в единственной оборудованной спальне. Снял с неё куртку, стараясь не трясти голову. Сел рядом по-прежнему с мыслью об инсульте. Да, это было меньшее из зол.

С волнением вглядываясь в красивое тонкое личико с тенями от длинных ресниц на бледных щеках, я подумал, что и лучшее «зло» в данном случае неприемлемо. Я аккуратно закатил ей рукав. Вспомнил, что без тонометра давление можно померить с секундомером…

И тут она пришла в себя. Странное, беспримерное облегчение прокатилось по груди, будто я сам ожил. Но пульс всё равно замерил. Потом выдохнул удовлетворённо.

– Всё нормально, – сказал я, внутренне улыбаясь и не понимая, отчего мне вдруг так хорошо.

По сути, ничего хорошего не было. Я попал. И риск испортить с трудом наработанную легенду, всю работу насмарку теперь таращился на меня и хлопал ресницами. Она забавно попятилась от меня попой назад по кровати, ёрзая и обещая начало проблем.

– Вы кто?

«Я баран», – сказал сам себе я, а ей вслух на писклявые претензии добавил:

– И на кого я похож?

– На терминатора, – ляпнуло чудо.

– Повтори слово «терминатор», – сказал я, на всякий случай ещё раз удостоверяясь, что обошлись без последствий – при инсульте человек не способен повторить за тобой длинное слово.

Девчонка повторила, опешив. Я совсем расслабился.

– Ну так меня и называй.

Глядя на неё, хотел предложить Бармалея, но так даже забавнее. Подумалось, что страх навредить ей пришёл раньше, чем я толком рассмотрел лицо. Хорошенькая! Действительно милашка, как сказал Эд. И совершенно игрушечная. Ни за что не скажешь, что ей уже есть двадцать. Я вспомнил о мерах безопасности и сунул нос в её сумку. Удивился: надо же! Балерина! Бормочет о театре. Мне отчего-то вспомнилось моё несбывшееся прошлое, но я тут же отбросил никчёмные мысли. Какой смысл думать о том, что не случилось?

Пугать её не хотелось, смотреть на неизбежные слёзы тоже. Я вышел и отправился исследовать убежище, всё больше осознавая, что встрял, как рак в укропе. Похоже, теперь я буду метаться между ней, Зубром и моим закрытым каналом связи, потому что там подобную самодеятельность не одобрят. Возможно, и не поймут, списав на непрофессионализм и не соответствующую задачам чувствительность.

Но иначе я не мог. Это осознание сложилось в груди, как дважды два.

Ладно, будем решать проблемы по мере поступления. В конце концов, лавировать, учитывая обстоятельства – необходимость, а не блажь. Как и обязанность защищать гражданских, данная под присягой.

Я бродил по дому, осматриваясь и всё больше ощущая себя в тисках. Долго здесь задерживаться нельзя, нужно будет возвращаться к Зубру. Но не наделает ли Евгения Алексеевна Берсенева, которую я запер внизу, глупостей? Существо творческое, эфемерное, мало ли…

На окне недостроенной кухни я обнаружил аптечку, в ней тонометр и успокоительные. Не просроченные.

За окном шумела чёрная поросль, плескал Дон, еле заметно белела полоска песка перед тёмными водами. Я вышел осмотреться. Надо же, дом на самом берегу! На несколько километров вниз по течению виднелись огоньки нового жилого массива, как иллюминаторы корабля Дарта Вейдера в черноте Вселенной. Хорошо, что сейчас не лето и погода дрянь. Летом бы вокруг мельтешили катера, лодки, рыбаки и любители пикников.

Чёрт, а её же кормить чем-то надо! А если я буду занят сутками?! Придётся сгонять в круглосуточный супермаркет. Так, а что едят балерины? Хм, судя по весу, ничего.

Я решил спуститься к ней, попросить список необходимого и дать Персен из аптечки, чтобы не рыдала всю ночь. Глупая, она даже не понимает, кто из нас в большей ловушке! Спектакль у неё, видите ли… Роли, пуанты. Я нащупал в кармане куртки пистолет. Контраст, однако. Мда…

С ползущей по суставам, как грипп, досадой я остановился у двери в спальню-бункер, прислушался. Тихо. Так и сидит, забившись, как котёнок, в угол?

Я достал ключи из брюк и бесшумно открыл. На голову обрушилось что-то тяжёлое. Со звёздочками из глаз я начал оседать по дверной притолоке к бетонному полу. В голове мелькнуло:

«Лучше б я завёл попугайчика…»

Глава 5

Терминатор

Голова гудела, как пустой казан из-под узбекского плова, по которому жахнули молотком. Я схватился за черепушку рукой, на ладони осталось липкое пятно. Всмотрелся ошарашенно в вымазанные пальцы.

Кровь?! Эта муха разбила мне голову в кровь?!

Она. Мне. Дожили…

В расплывающийся фокус перед глазами попал проём открытой двери и коридор. Следы мелких лапок в кроссовках на бетонной пыли. Сбежала!

Я был в отключке? Сколько? И чего я сижу?

Оттолкнувшись руками от стены, я вскочил и тут же пошатнулся, голову так повело, что я за малым не рухнул обратно. С усилием удержался на своих двоих, а в ушах зашумело сильнее. Шагнул вперёд и чуть не споткнулся о гантель килограмма три на вид.

Мелкая пакостница меня вот этим приложила? Как удержала-то, Муха, тяжесть такую и где взяла? Обернулся, скользнул взглядом в пустую комнату и мимоходом отметил: ага, встала на стул. К счастью, размаха не хватило грабануть со всей дури, а то бы валялся тут с проломленным черепом, как кокос под пальмой. Липкое и горячее ощущалось по всей левой стороне – от головы и за шиворот. Пахло кровью. Ну, хоть не мозгами.

Додумывал я уже на ходу, рванув по коридору к лестнице. Как пьяный, криво взбежал по ступеням. Сквозняком шарахнуло в лицо из распахнутой входной двери, зашелестел полиэтилен.

– Женя! – крикнул я с порога. – Евгения!

Балда, куда она побежит, если вокруг забор! И я баран, местности не знаю. Стоп, а я закрыл ворота? Да, закрыл. Они автоматические. Чёрт, а калитка есть?

Бегом я пересёк двор. Пролетел мимо распахнутого Крузера, заглянул внутрь. В багажник. Покружил мимо куч строительного мусора, песка, щебня, каких-то жбанов. Адреналин бил по вискам. Возникло странное ощущение, что я снимаюсь в «Пятнице, тринадцатое», только мне забыли дать в руки пилу. Эта Муха наверняка так и думает!

– Женя! – проорал я в глухую темень.

Тронул ручку калитки, та легко поддалась и, кажется, ещё хранила тепло ладошки. Я метнулся наружу.

– Женя!

Не дура, с дороги свернула. Но куда? Вокруг же ни черта нет, один пустырь с облезлым кустарником, камыши, лесополоса и километр до железной дороги. А если девчонка по шпалам до города двинет? Она же сообразительная, как выяснилось! Сердце рухнуло в желудок. Голову снова повело. Я обеими руками удержал её, словно поставил на место.

Нет, далеко балерина бы сбежать не успела, она не рейнджер.

Я включил фонарь в телефоне и осветил чёрные заросли.

– Глупая! Женя! Ты же меня подставляешь и себя! – гаркнул я в промозглую ночь.

Вдалеке завыла собака. Я застыл, затем сделал пару намеренно громких шагов и перевёл луч фонаря к камышам у Дона, плескающего совсем рядом. А сам весь превратился в слух. Пусть думает, что иду туда. Ледяной ветер охладил саднящую над виском рану. Заколыхал ветки стоящих на пригорке мёртвых акаций, серо-синие, как призраки степи, сухие будыли. Я сделал ещё пару фальш-шагов и буквально шестым чувством уловил шевеление в кустах с противоположной стороны от дороги. Попалась!

Я ломанулся туда, ломая сухостой, как бешеный лось в весенний гон. Шорох прекратился. Ясно, Муха затаилась. Но поздно, красавица, я уже понял, где ты. В несколько прыжков я оказался у раскидистых голых веток безымянного куста. Луч фонаря вглубь высветил розовое пятнышко. Забилась, как мышка.

– Женя, я вижу тебя, вылезай! – рявкнул я.

Ни звука в ответ. Да что я тут шутки играть с ней буду? Сколько можно?

Продолжая светить фонарём, я выждал несколько мгновений. А потом со страшным треском разворошил, сломал и раздвинул ветвистую преграду,

царапая руки. Наклонился и оказался нос к носу с беглянкой. Она сидела на земле, втянув голову в плечи. Даже не глянув на меня, отвернулась и зажмурилась, словно я на самом деле собрался её убивать. Аж тошно стало.

Я протянул ей руку и примирительно сказал:

– Ладно, побегала и хватит, Женя. Пойдём в дом, простудишься.

Она мотнула головой, пискнула что-то нечленораздельное и подалась назад, но было некуда. От покатившейся слезы по щёчке скрутило в груди. Быть страшным гоблином оказалось противно. Тянуть её насильно тоже не хотелось. Куст проклятый весь на колючках и сучках – исцарапаю же!

Я встал на колени в паре дюжин сантиметров от неё. Полупрозрачная кроха сжалась в комок.

– Послушай, мороз, ветер, а ты в одном свитере.

Молчит и глаз не открывает, белая вся, как привидение. Дрожит. Обхватила руками коленки. Реально почувствовал себя маньяком-насильником.

– Евгения! Прекрати вести себя, как маленькая! Сама сказала, что взрослая! – рявкнул я.

Ноль реакции.

На меня накатил гнев – тут её спасаешь от простуды, от смерти, от чёрта лысого, а она выпендривается! Я выругался в сердцах, почувствовал, как что-то тянет за шиворот и дёрнулся. Принялся отдирать от себя одной рукой прицепившуюся к вороту рубашки колючку, и в голове опять резко заломило. От внезапной боли я громко втянул сквозь зубы воздух.

Женя открыла глаза. И мгновенно расширила их, увидев пятно крови там, где у меня дико саднило. Остатки слёз блеснули в свете фонаря, но выражение ужаса, наконец, исчезло.

– У вас кровь! Больно? – напряжённо спросила она.

В глазищах эфемерного мотылька отразились вина и сочувствие. И я сразу забыл, что секунду назад Евгения меня бесила так, что хотелось достать лопату.

– Терминаторы боли не чувствуют, – соврал я и улыбнулся.

Она моргнула виновато.

Я снова протянул ей руку:

– Ну что, пойдём?

Взлохмаченный мотылёк в розовом громко сглотнул и заявил совершенно серьёзно и по-взрослому:

– Мне на самом деле очень жаль, что пришлось нанести вам увечье. Это была вынужденная мера. Понимаю, не приемлемая, но в данных обстоятельствах… Вам надо срочно к врачу. Зашить.

– Потом разберусь, – кивнул я.

Она вдруг вскинула подбородок и добавила весьма жёстко:

– Прошу прощения, но я с вами никуда не пойду!

Глава 6

Женя

Такого отчаяния, как сейчас, под этим проклятым кустом я не испытывала даже когда меня хотели отчислить из Академии за слишком правдивые посты в Инстаграме. И не ощущала одновременно таких сильных чувств: ненависти, страха, холода и вины, сбившихся в один плотный клубок.

Я ударила человека! Я чуть не убила его!

Но это была война и отвратительная неизбежность – единственный путь к свободе или конец всему! Кровь на виске, жуткие потоки, вместе с неестественными тенями, похожими на грим злодея, подчёркивающий ужасное лицо передо мной, были тому подтверждением.

– Пойдём со мной, – сказало чудовище до мерзости дружелюбно, и снова вибрации его голоса, низкого и густого, обманчиво приятного перекатились в пространстве и тронули до дрожи струны в моей груди.

Угу, так же ласково мамин двоюродный дядя в таёжной деревне подманивал поросёнка, забившегося в сарай, пахнущий сеном и кедровой хвоей. А я помогала ему, наивная до жути в свои тринадцать. Дядя Гриша поймал четвероногого малыша со смешным, подрагивающим пятачком. И даже дал мне погладить, милого, розового, с нежной, чуть подёрнутой пушком кожицей… Потом этого поросёнка подали на стол, зажаренного до румяной корочки, фаршированного кашей и грибами, с оливками в глазах. А я перестала есть мясо раз и навсегда. Категорически.

Но я больше не наивная дура и доверять этому громиле не намерена. Даже несмотря на сломанный в собственной груди камертон. Этот голос не может быть приятным! Он неотъемлем от чудовища. У меня просто стресс и две секунды до истерики.

Нет, пусть ещё достанет меня отсюда. Буду мёрзнуть хоть до утра. А при свете дня по дороге мимо могут проехать люди. Они обязательно проедут и этот кошмар прекратится. Надо только подождать!

Хотя откуда-то вместе с обжигающим холодом ветром, фоном и тонкими, мёртвыми ветками меня касалась мысль, что ничего не выйдет. Я усиленно заглушала её. Я не сдамся! Я буду кричать, звать, сопротивляться!

Тугая поросль в центре куста давила в спину, а мне хотелось, чтобы напряжение за плечами ослабло, и я внезапно провалилась в оркестровую яму. Или в кроличью нору. Или в Нарнию, чёрт побери… Да куда угодно, лишь бы не видеть этого бандита с лихорадочно горящими глазами.

Я буду бороться за себя до последнего! За мою жизнь! Я не променяю её на жалкое существование героини из триллеров, в которое меня так бесцеремонно приглашают.

Он не обманет меня – в том ужасающем доме не может жить нормальный человек! Даже обычные бандиты не устраивают в подвале спальни с бронированной дверью и аппаратные помещения для записи и подглядывания. Я случайно забежала туда в панике и всё поняла. Мне стало уже не до роли Снегурочки. Просто чудо, что Терминатор забыл запереть вторую дверь из ванной комнаты в тренажёрный зал…

Нет, обратно я не вернусь! Ни за что!

– Я никуда с вами не пойду. Извините! – решительно ответила я, стараясь не дрожать.

Глаза его нехорошо сверкнули.

– Не пойдёшь?

– Не пойду!

– Прошу по-хорошему.

– Уходите!

Пауза. Громкое дыхание. Запах крови и пота. Я выдохнула его из себя, стараясь не дышать. Получилось фырканье.

– Ну всё. Довольно! – Это прозвучало угрожающе и слишком близко, как нарастающие басы перед страшным эпизодом в театре.

Моё сердце ответило барабанным уханьем и забило набатом так, что в висках сдавило.

– Уходите! Убирайтесь! – не выдержала я и выставила вперёд руки, защищаясь.

С гримасой гнева он подался ко мне, я инстинктивно – в сторону. Терминатор схватил меня за талию огромными ладонями и разорался так, что у меня уши от баса заложило:

– Тогда будет по-плохому!!!

Я попыталась вырваться, отпихнуть его ногой, отцепить лапищи с собственного туловища. Начала царапаться, как кошка. Полоснула ногтями ему по щеке, по кисти. Монстр чертыхнулся. Потом охнул, когда я заехала ему пяткой по бедру со всей силы. Пошатнулся, но так и не выпустил меня из рук. Он просто встал с колен, ломая спиной куст, и поднял меня за собой, как игрушку.

Господи, зачем ты создаёшь таких здоровых чудовищ?! Где справедливость?!

– Отпусти! Отпусти! Отпусти меня! – кричала я, попадая кулаками куда-то по мощному телу.

Он взревел, как Кинг-Конг, и просто перехватил поперёк тела, прижав к себе. Перехватил одной рукой мои плечи, другой ноги. И понёс! Обратно! Как обычный чемодан, у которого отвалилась ручка и сломались замки! Но я не чемодан! Я личность!

– Не хочу-у-у! – завопила я. – Помогите! Люди! Помогите!

– Нет тут никого! – рыкнул он, оглушая.

– А-а-а!

Я извернулась и укусила его за палец. Терминатор ойкнул и грубо встряхнул меня:

– Да угомонись, наконец, дикарка! На три кило веса тонна характера! Прекрати, я сказал!

– Помогите! – снова заорала я во всё горло, а в голове запульсировало: «Он убьёт меня, убьёт! Поиграется и убьёт!»

Но вырваться не получалось. Захлёбываясь ветром и кошмаром, я кричала, извивалась, слёзы лились из глаз, но всё тщетно. Он просто перекинул меня себе на плечи, будто убитого оленя, и зафиксировав так, что не освободиться, понёс в нависающую над рекой домину за забором.

– Придётся прививку от бешенства делать, – проворчал этот питекантроп.

– Н-нет! – рыдала я.

Он громко дышал и молчал. Это пугало ещё сильней. Уже перед калиткой, понимая, что наступил последний шанс, я со всей силой лёгких взвыла:

– Полиция!!!

Издали, словно в ответ провыла собака, другие залаяли. Там люди! – подумала я в надежде. Но Терминатор с силой толкнул ботинком дверь, та ответила скрипом петель и распахнулась. Он буркнул:

– Я сам полиция.

Передо мной мелькнул автомобиль, ступени крыльца, неокрашенные стены холла, строительные материалы и углубление лестницы, ведущей в подвал.

– А-а-а! – вопила я, начиная хрипнуть.

Мы всё равно оказались в той же спальне. На ходу Терминатор отшвырнул ботинком гантель. Та с грохотом откатилась. Он внёс меня в комнату и сел на кровать. Я билась и плакала.

– Перестань, – сказал он.

– У-у-у, – ревела я в истерике на его плечах в позе штанги.

Он вздохнул.

– Ты меня убиваешь.

– Это ты… ты меня убиваешь! – провыла я.

И непонятно как оказалась спиной на кровати, а Терминатор надо мной.

– Я спас тебя, балда! – прорычал он и, схватив за плечи, затряс яростно. – Когда ты уже поймёшь?! Я тебя спас!!!

Он был такой страшный: в потёках крови, царапинах и грязных тёмных полосках по всему лицу, что я перестала плакать. Воздух застрял у меня комом в горле. Там только булькало и клокотало. Вдохнуть не получалось.

Он понял, что я задыхаюсь, и перестал меня трясти. Что-то сказал, я даже не поняла что, хрипя и трясясь крупной дрожью. Терминатор исчез из поля зрения, но мгновенно вернулся. И на меня брызнуло что-то холодное. Душ?!

– Дыши ртом! – приказал он.

Я послушалась и вздохнула, наконец. Слёзы потекли по новой.

– Стоп, стоп, глупая, – уже другим тоном проговорил Терминатор. – Успокойся. Я не наврежу тебе… Ты сама вынудила…

И вдруг он погладил меня по голове. Приподнял, придержав спину, и прижал к себе.

– Тшш, тшш, не плачь. Панические атаки к хорошему не приводят. Зачем нам они, а? И посттравматический синдром нам не нужен. Это всё ерунда. Просто ерунда. Тебя никто не обидит.

Я даже плакать перестала, ошеломлённая его поведением, а также пониманием того, что питекантроп с пистолетом способен выговорить подобные слова и в принципе знает их.

– Ты просто поверь мне, – добавил он взволнованным басом, продолжая массированно гладить меня по голове.

– Я не могу, – ответила я откуда-то из-под его гигантской ладони.

– Почему? – он слегка отстранил меня и посмотрел в глаза.

– Подвал со спальней. Камеры. Похищение… И ты даже не назвал своего имени.

Понятия не имею, почему я назвала его на «ты»… Кажется, во мне что-то надломилось и достигло предела. А он со своим страшным, перепачканным лицом недоуменно замолчал. И я молчала, застыв в его руках. Уже хотелось просто выключиться и чтобы всё закончилось.

– Сергей, – внезапно сказал он. – Меня зовут Сергей. Фамилии тебе лучше не знать.

– А…

– А это особое место для…

– Извращенцев? – снова задрожав, перебила я.

Он усмехнулся.

– Для охраны. Как программа защиты свидетелей. Слышала про такое?

– Это только в кино…

– Вот в такое кино ты попала, Женя. И ты свидетель. Мне жаль.

Хотя мне всё ещё не верилось, в серых глазах напротив я не обнаружила лжи. В них было столько усталости и сожаления, что я… успокоилась. Страх отступил и растаял, как дым. Я опустила ресницы и оперлась руками сзади о покрывало.

– Ладно.

– Ладно? Ну слава Богу, – эхом отозвался Сергей и отпустил меня.

На меня накатило слёзное оцепенение и слабость. Он посмотрел несколько мгновений, потом встал и какой-то осоловелый глянул на ванную в углу.

– Умоюсь, – сказал он и направился туда, почему-то не закрыв дверь в бункер. На пороге в санузел остановился и добавил: – Это были не просто бандиты, Женя. Профессионалы-наёмники. В их задачу свидетели не входят, а платят им столько, что они работают на совесть. Плюс только один: они в городе проездом. Выполнят работу и уедут, надо только подождать. От тебя нужно просто терпение. Немного терпения. Одна капля.

– Но они же не могли разглядеть меня и запомнить… – сглотнув, пробормотала я.

Он вновь наградил меня долгим, странным, совершенно очеловеченным взглядом и добавил:

– Я не лгал про фотографическую память. В этой группе дебилов нет. И нет просто агрессивного быдла. Все чем-то выдающиеся. Увы, не гуманизмом. Так что они запомнили тебя, Женя. И убьют. И меня вместе с тобой. Можешь не сомневаться.

Сергей зашёл в ванную.

«Их», «они», «эта группа», – пронеслось в моей голове.

Он будто специально дистанцировал себя от тех, с кем был. А кто же тогда он?

Я услышала шум воды из-под крана и звук втянутого сквозь зубы воздуха. Видимо, от боли. И мне стало стыдно.

Глава 7

Женя

Я прислушивалась к тому, как он умывается, и всплески воды под его ладонями превращались в моей голове во вступительные трели из второй сцены первого акта «Щелкунчика». Нарастающие от pianissimo[5 - Очень тихо (музыкальный термин)] всё громче и громче курлыканья флейт, перекликающихся со скрипками, повторялись на режиме повтора, а снежная буря из мыслей угасала, уступая место логике. Я снова и снова продумывала его слова: «Тебя убьют и меня тоже», и по спине ползли мурашки уже не из-за мужчины, стоящего за открытой дверью, а из-за неизвестных людей, которым я помешала. Под музыку Чайковского они представлялись мне гротескными, наплывающими на мой мир тенями, способными поглотить меня, как маленькое пятно света на сцене, и растворить полностью – так, что не останется ни меня, ни сцены, ни затаивших дыхание зрителей. Будет одна гнетущая темнота, в которой ни вздоха, ни движения, ни надежды…

С фырканьем, достойным Буцефала[6 - Конь Александра Македонского.], моё внимание из глубины воображения вернулось в реальность – к тем звукам в ванной. И откуда-то из глубины пришло робкое чувство: этого не случится? Потому что меня спрятали? Он спрятал…

Я нерешительно опустила ноги на пол. Как во сне, взяла косметичку, оставленную им на тумбочке, и прошла к ванной комнате. Застыла на границе паркета и кафеля. Без куртки и с широко расстёгнутым воротом он не стал казаться меньше, наоборот. В его мощной шее, кадыке и яремной выемке было больше мужественности, чем во всех наших мальчиках из академии и ребятах из труппы. Больше брутальности, чем у охранников театра. И мои мысли остановились, потому что я не решалась ворваться в пространство, где был он.

Вроде бы не чудовище и не терминатор… Хотя имя Сергей, принадлежащее моему двоюродному брату, тоже никак не клеилось к этим огромным плечам и росту. Может, оно не настоящее?

В зеркале отражалось его лицо, почему-то больше не страшное. Он смыл чёрные полосы пыли от веток и потёки крови, а показалось, что стёр маску. И без толстого слоя театрального грима внезапно не оказалось ни гангстерской наглости, ни ранее так очевидных признаков злодея. Я удивилась и, смутившись, перевела взгляд на сложенное вчетверо полотенце, которое он держал над виском. Красная капля на белой махровой ткани вызвала у меня новый приступ вины.

– У меня есть перекись, йод и много пластыря, – тихо произнесла я.

– Спасибо. Перекись не помешает.

Он посмотрел на моё отражение, а я на его – перекрёстный рикошет взглядов, словно игра светорежиссёра. За этой мощной фигурой я смотрелась бледным привидением – и не стоит вспоминать о Жизели. Хм, а в отражении репетиционного зала я выгляжу не такой тощей!

Я суетливо достала медикаменты, выложила их на край пустой белой раковины и поторопилась отойти обратно к выходу.

– У тебя хороший удар, – вдруг сказал он, криво усмехнувшись и поглядев на алое пятно на полотенце. – Прицельный.

Залил себе рану перекисью, скривился и приложил полотенце снова.

– И в бедре тоже до сих пор чувствуется. Вас там что, каратэ учат?

– Только концентрации, – смешавшись от его прямого, снова чуть насмешливого взгляда и последствий собственной агрессии, ответила я. Поковыряла большим пальцем заусенец на новёхоньком дверном косяке.

– Хорошо учат, – заметил он.

– Да, у меня хорошая координация. Это важно.

Он расстегнул ещё одну пуговицу на рубашке, а я смутилась окончательно и быстро ретировалась. Почему он не злится? Я разбила ему голову, а он хвалит. Странный…

?

Через пару минут он вышел, как-то по особому осматриваясь, словно военный, оценивающий местность. Над виском неуклюжая блямба из пластыря и ватных дисков. Он надевал на ходу куртку, о чём-то сосредоточенно думая. Нахмурился

и направился к выходу, по-деловому чеканя слова:

– Женя, я должен сказать тебе одну вещь. Иногда нет другого выхода, кроме компромисса. Но когда идешь на компромисс, всегда что-то теряешь… Но с другой стороны, находишь. В твоём случае – жизнь. Так что прими это и расслабься. Ради твоей безопасности я запру тебя. Не в подвале, только входную дверь. Будем считать, что мы оба приняли ограниченный вотум доверия. Пожалуйста, не делай глупостей. Дольше мне задерживаться нельзя. Это вызовет подозрения. Приеду сразу, как смогу. Составь список того, что нужно. Вода в бутылке. Есть ещё в кухне. Она нормальная, я проверил. Аптечка есть. Располагайся. Отдохни. Выспись. Я поехал.

– Сергей, – подала голос я, переминаясь у кровати. – Спасибо! Вам всё равно нужно в травмпункт – зашить.

Он повернулся ко мне лицом и под ярким светом лампы обнаружилось, что на носу его набухала красная полоса – след моей борьбы, на щеке тоже. И на подбородке.

– Ох, извините! – вырвалось у меня. – Я была не в себе…

– Что, красавец? – усмехнулся он. – По-моему, очень даже в себе. Ты молодчина – боец. Но одну дыру в голове оправдать было бы проще.

Я сглотнула.

– Не верю, что я так смогла… Боже… У нас однажды возле Академии две девушки из-за аварии подрались… В смысле одна другую. Даже охраннику досталось… Разумеется, не наши. Мы из окон смотрели. А тут я сама… так…

У Сергея просветлел взгляд:

– Да ты гений, Женя! Конечно! Ты права!

В чём? – опешила я. А он рванул на выход, оставив дверь распахнутой. Поколебавшись немного, я пошла следом. Нет ничего более неудобного, чем недосказанная фраза.

Быстрые, гулкие шаги быстро стихли, хлопнула дверь, щёлкнул замок. Я поднялась в пустую, освещённую кухню и увидела, как он садится в машину.

Сердце ёкнуло. Оставаться одной тоже было страшно.

Но он сразу не уехал. Вышел, посмотрел на дерево перед забором. Сел за руль, примерил что-то рукой у головы, посмотрел вперёд сосредоточенно. Я прильнула носом к стеклу, чтобы лучше видеть, как открываются ворота. Но ролл-полотно не поползло вверх. Автомобиль завёлся и… прицельно въехал левой фарой в ствол. Звон стекла, треск и скрежет. Я вскрикнула от неожиданности, решив, что Сергей после удара потерял координацию.

Но нет, внедорожник отъехал. Затем Сергей деловито вышел из авто, будто на самом деле был неуязвимым терминатором, обошёл, нырнул в багажник за какой-то палкой. Ой… Это была лопата. Он старательно поковырялся ею в мёрзлой земле и закинул обратно в автомобиль.

«Закопал», – поняла я, вновь холодея и поражаясь настолько тщательной подготовке антуража моей собственной драмы.

Не теряя ни секунды, Сергей решительным шагом вернулся к водительскому сиденью, обернулся, почувствовав мой взгляд. Я закусила губу, ощутив неловкость, будто подглядываю за чем-то непозволительным. Он просто подмигнул мне, махнул рукой, жестом отправляя спать.

А затем размахнулся и разбил боковое зеркало. Битой. Я подскочила, словно досталось не крошечной детали машины, а мне. Сердце заколотилось, в голове всё смешалось.

– Он сумасшедший, – пробормотала я.

Развернулась, чтобы больше не видеть никаких инсценировок, и пошла искать воду. А лучше чайник. Отчаянно захотелось горячего, спрятаться под одеяло и спать. И притвориться, что ничего не было. А утром… утром наверняка что-то прояснится. Хотя бы небо.

Глава 8

Терминатор

– Ты долго. Ёпта, тебя что, кошки драли? – осмотрел меня с прищуром Зубр, едва я показался на пороге гостиной.

Подумалось, что «убежище» для Жени было практически аналогом этого дачного особняка, стоявшего на отшибе, разве что более обжитого и расположенного на противоположном крае города. Но стандарт соблюден: вокруг ни души, высокий забор, оборудованный подвал, вымершие соседи и чёрные скелеты акаций по дороге. Темень и вой ветра.

– И носорог пнул, судя по башке? – с усмешкой добавил Дрон, правая рука шефа, коренастый, не слишком высокий, злой.

Стильный пиджак смотрелся на нём, как расшитая попона на диком кабане. Жёсткая темная щетина вепря топорщилась из-под расстегнутого ворота рубашки и манжет. Маленькие глазки и улыбка как повод показать клыки.

– Нет, – ответил я и не разуваясь, прошёл по серому ковролину к свободному креслу у зашторенного окна. – Выпил бы чего-нибудь. Даже чаю.

– Не добил? – не унимался Зубр.

Я посмотрел ему в глаза.

– При чём тут? Воздействие на артерию в течение минуты – стопудовый инсульт, кислородное голодание и смерть. Это проверено. Да ты и сам видел. От тела я избавился. Но на выезде из Кумженской рощи около ресторана в мой Крузер въехала дура на БМВ. Бросилась мне в рожу вместо того, чтобы спросить, не вызвать ли скорую. Коза ростовская! Неадекватная.

– А ты? – продолжая щуриться, спросил шеф.

– Послал и уехал. Нам же не нужно знакомство с ГИБДД? Протоколы, освидетельствования?

– Номера твои на машине с сеткой? – спросил Зубр.

– Само собой! Не хватало на камерах засветиться, – пробурчал я.

– С головой что?

– Да всё в порядке. Рассёк слегка кожу. Кровило, заехал в аптеку, налепил, как вышло. Не стоит волноваться, шеф.

– Я тебе не мама, волноваться, – буркнул Зубр и откинулся на кресло, сминая в пальцах какую-то бумажку.

Кажется, не поверил. Чувствуя себя, словно накануне напился в хлам, я встал и направился к столу с напитками в кухне. Намешал бурду с кофейным запахом и вернулся в гостиную.

– Как «Кролик Роджер»? – поинтересовался я.

– Отдыхает. Эй, а ты не пожалел «ребёнка»? – вдруг спросил Зубр.

– С чего бы? – нахмурился я. – На войне, как на войне. Все равны, без возраста и пола.

– У пруда так не показалось.

– Ну, лажанул я на секунду, – пожал я плечами. – Потом включил голову и сделал свою работу. Ты видел труп. Эдик тоже. Или на самом деле надо было сфотографировать? На память?

– Не умничай. Не надо.

– Только в Инстаграм выложи, мазила, – хохотнул Дрон.

Я отхлебнул обжигающего кофе. Зубр встал.

– Утром ждём новостей и выдвигаемся. Золтан и Чёрный дежурят, а я спать.

Я понял, что он точно не поверил, впрочем, у меня свой план. Так что стоило и мне выспаться. Завтра будет веселее. Утром он увидит разбитый Крузер и ещё кое-что.

Дрон не последовал за Зубром, он ещё повеселился над моей неуклюже перевязанной головой, пока я не окрысился и не послал его сквозь зубы. Когда я остался в гостиной один, вытянулся на диване, закрыл глаза, вдруг подумалось: «Интересно, она хоть заснула? Или подкоп делает?»

?

Я проснулся под оживлённые голоса и яркий свет из окна пятнами на моём лице.

– Нет, ты погляди! Как она его! Бухая же! Точно бухая. Сейчас из сумочки биту достанет и ***ц нашему Спецназу.

Ребята дружно ржали над чем-то в планшете.

– О, хай, звезда дорожных разборок! – поприветствовал меня Эдик, свежий и выспавшийся, зараза.

– Что такое? – привстал на локте я.

Мне ткнули планшет под нос с дорожным видео, снятым на месте «нападения на меня». Я просмотрел и выматерился от души, будто не знал, что моё подставное ДТП снимают. Естественно, не показывая толком моего лица.

На самом деле я мажористую чику на светофоре ночью завёл так, что платиновая блонди в соболях кинулась из машины ко мне. Думаю, убивать. Я умею дразнить девочек. Особенно подвыпивших. Просто надо нажать на пару «болевых точек», и готово. У большинства на лице написано, куда жать, как история болезни в морщинах, гримасах и стандартной физиогномике. Грех не

воспользоваться. Видео и скандал на проспекте ночью я организовал сам. А вот с его нарезкой, вирусным распространением в соцсетях и громкими тэгами мне помог мой «контакт». Кстати, гений в этих вопросах.

Судя по оживлению парней под кофе в картонных стаканчиках, их шуточкам над моим загубленным спецназовским прошлым, всё сработало: алиби моей разбитой роже честно завоёвано. Чёрт, вот только кажется, нос распух.

Как теперь слинять незаметно? – думал я, понимая, что в доме над Доном нет ни чая, ни кофе, ни тем более бутербродов с ветчиной, а времени уже прошло не мало. Сидит же там, голодная.

Меня подмывало прямо сейчас сорваться с места и помчаться туда, проверить, не наделала ли непоправимых шалостей моя «невинная жертва». Но это было бы грубой ошибкой. Намеренно замедляясь, я привёл себя в порядок, переоделся. Стараясь выглядеть по-привычному нерасторопным и безэмоциональным, тоже плеснул себе кофе. Посмотрел на пару облачков на внезапно сегодня иссиня-пронзительном небе.

И тут в комнату вошёл Зубр. Лицо его было хмурым. Он мгновенно двинул ко мне.

– Так, Сергей, говори, точно ли ты закопал эту девчонку и где?

Разговоры затихли.

– Так точно. В Кумженской роще. Могу показать, где, – ответил я, нахмурившись.

– У нас проблема, – заявил Зубр. – Наша свидетельница – восходящая звезда местного театра. Балерина. Евгения, мать её, Берсенева!

– Больше нет, – ответил я ровно, а моё сердце сжалось.

Откуда он узнал её имя?

?

– Так быстро не могли подать в розыск. Ранее трёх суток заявления о пропаже полиция не примет, – встрял в разговор Чёрный.

Его так прозвали, потому что ходит он исключительно в чёрном, при том что сам отменно рыжий, с медными коротко остриженными завитками, апельсиновыми бровями и веснушками даже на кистях рук. Он немного похож на льва без гривы: мордой, повадками и молниеносной реакцией. Некрасивый, но обаятельный. Короткий нос, красноватые веки, словно от вечного недосыпа, нижняя челюсть чуть вытянута. Благодаря глубоким носогубным морщинам можно подумать, что Чёрный похож на Высоцкого, но приглядишься и поймёшь, что это не так. Тот – вечный Гамлет, этот корыстен до мозга костей.

– Бучу подняли активисты из группы «Лиза Алерт». Особо заботливые коллеги по театру и тётка, с которой жила Берсенева, – заявил Зубр. – Забили тревогу. По соцсетям разнеслось уже. Я проверил фотогалерею театра – действительно она.

– Нам-то какая разница? Пусть ищут, – невозмутимо ответил я. – Девчонка из земли не встанет. Покоится с миром и не отсвечивает.

Все прочие мысли, сумбуром нахлынувшие с такими вестями, пришлось отмести в тёмный угол. Я «закопал» её, и точка.

– Да, шеф, – согласился Чёрный. – Пока будет открыт официальный розыск, мы уже отчалим. И «Кролик» будет подан на рагу.

– Кстати, о соцсетях, – ехидно оскалился Эдик. – Зубр, полюбуйся, как когтит нашего спецназовца тёлка в шубе.

– Ну-ка. – Зубр взял в руки планшет, просмотрел короткий ролик, потом усмехнулся и взглянул на меня уже не как зондер-командер на руссиш-партизанен.

Пронесло. Я изобразил на лице досаду.

– Чем и не люблю Ростов. То понты, то неадекваты на каждом шагу. Одно хорошо – тютина, но сейчас не лето.

– Чего? – скривился Эдик. – Шо ещё за «тютя»?

– Ягода такая, шелковица по-другому. Очень сладкая, хоть и мажется чёрным соком. Мы с пацанами залезали по детству на крышу и прямо лежа объедали ветки. – И я посмотрел на Зубра всё с той же досадой. – Мне жаль, что помял Крузер, шеф.

– Смотреть надо было. С тебя вычту. И зеркало за свой счёт поставишь.

Я кивнул с повинной головой. А Зубр добавил, предваряя все вопросы.

– Сегодня команда «вольно». Эд и Дрон дежурят. Остальные до вечера могут расслабиться. Сработали вчера нормально. Ты, Сергей, отправляйся рихтовать машину. На трассе помятую остановят скорее.

Я козырнул в ответ.

Чёрный повёл носом, словно кот, учуявший рыбу, и сунул руки в карманы брюк.

– Шеф, может, стоит двинуть в сторону границы? Пока не поднялся сыр-бор.

Зубр посмотрел на него исподлобья и отрезал:

– На границе без подготовленного коридора ты танцы с бубном плясать собрался? Или песни петь, чтобы таможенники не скучали?

– Я чувствую, что лучше из города уехать. Перехода можно дождаться и в деревне поближе.

– Только если «Кролика Роджера» усыпить, – хмыкнул Эдик.

– В маленьком населённом пункте мы будем заметнее. Как на ладони, – сказал я.

– Именно, – одобрительно глянул на меня Зубр и рыкнул на остальных: – И вообще я не выставлял вопрос на голосование. Когда скажу, тогда и поедем.

Сверкнув недовольством из-под оранжевых бровей, Миха Чёрный вышел из комнаты. Нет, без истерик, медленно, почти грациозно, с достоинством, если так можно сказать об убийце.

Через несколько минут я застал его на залитом солнцем дворе возле моего автомобиля.

– Подбрось меня.

– Я только в автосервис.

– И ладно. Дальше я на такси.

– Садись, – кивнул я.

?

Без бокового зеркала ехать было неудобно. Трасса на подъезде к городу с дачного посёлка была забита большегрузами. Те явно считали себя жуками и пытались протиснуться в несуществующие «карманы».

– Что ж, с боевым крещением! – вдруг отвлёкся от телефона Чёрный и посмотрел на меня с любопытством.

– Ты о чём?

– Зубр повязал тебя мокрым делом.

Я невозмутимо пожал плечами.

– Ничего не боишься? – усмехнулся по-кошачьи Чёрный.

– Не с нашей работой задавать такие вопросы. Мне не впервой.

– И часто ты убивал? – продолжал допытываться тот. – Спрашиваю потому, что у некоторых наступает ломка. А мы с тобой в одной лодке.

Я на секунду отвлёкся от дороги, глянул на пассажира. Солнце превратило его медные волосы в золотые, и тот стал похож на демона, маскирующегося под ангела в дешёвой комедии. Я вернулся взглядом к дороге и ответил:

– Я был в горячих точках. Ты сам не служил?

– Нет. У меня другая история.

– Страшно только сначала. Потом привыкаешь и включаешься в режим робота. Как в стрелялке: двигающиеся мишени, автомат в руке. Всё просто: или ты, или тебя.

– И почему ушёл?

– Не люблю, когда из меня делают дурака. Боевые за участие в военных действиях пришлось требовать через суд. Думаешь, выплатили?

– Сам скажи.

– Нет.

Мой внедорожник медленно прополз мимо голых тополей к кругу с большими каменным буквами «Ростов-на-Дону».

– Сочувствую, – почти искренне сказал Чёрный.

– Поубивал бы уродов, – зло проворчал я. – И больше я побираться не собираюсь.

– Правильные выводы. Кстати, что делаешь с деньгами?

– Откладываю.

– Молодец. Ты в курсе, что Эдик просерает всё до последнего гроша на тачки, тёлок и шмотки?

– Его бабки, пусть тратит, – не повёлся я на провокацию.

– А что ты думаешь об инвестициях? – с далеко идущим вступлением проговорил Чёрный.

И получив мой интерес, он распустил хвост, как лис на снегу, и начал втирать про биржи, акции, проценты и прочую финансовую лабуду, не догадываясь, что внутри меня уже всё клокотало нетерпением. У этого чувства, покалывающего в мышцах, как перед стартом на беговой дорожке, было одно название «Женя».

Обвешанный биржевой лапшой от ушей по самую макушку, я высадил, наконец, Чёрного там, где он мог вызвать такси. И помчал по городу, лавируя и нарушая правила. Уже наступил полдень.

«Она голодная», «она маленькая и одна», «она балда» – пульсировало в моей голове, как у сумасшедшей мамаши, честное слово! Никогда за собой подобного не замечал! Пожалуй, так сильно я волновался только о хомячке в детстве, когда тот заболел.

Спускаясь к центру по Змиёвской балке, я притормозил. В сердце что-то щёлкнуло, как антирадар. И я понял, что баран. Чёрный на «такси» уже наверняка едет за мной, наблюдая. Для собственных целей, а скорее всего, по приказу Зубра. Это мой первый в группе проект, и нужно быть идиотом, чтобы считать, что всё идёт гладко и мне не устроят проверок. Я бы сам перестраховался, если бы хоть на миг возникло о ком-то из бойцов подозрение.

Собрав волю в кулак, я свернул в промзону как раз возле ларька под гигантской вывеской «Шиномонтаж». Проехал неторопливо, объезжая, как сонный слизняк, выбоины на дороге, а сам внимательно всматривался в зеркало заднего вида. И чёрт меня подери, если из-за водителя серой Калины не майкнула рыжая голова.

Нетерпение и беспокойство о Мухе без присмотра росло и множилось, и я проклинал всё на свете, пока не выехал к полулегальной автомастерской в самой глуши возле Ботанического сада. Спокойно вышел, сощурился на солнце, потянулся, размяв кости, и пошёл договариваться с мастерами. Калина проехала

мимо. Скрылась за поворотом.

Да, место не бойкое – почти деревня, всё на виду. Я молодец.

Давай, Чёрный, езжай за инвестициями в светлое будущее.

?

Шустрый армянин с широким носом, грассирующим «р» и тестостероновой лысиной оказался сговорчивым за хорошие деньги. Я пересел на его белый Рено, почувствовал себя таксистом и ещё более кривыми задворками отправился, наконец, по своим делам. К дому на пустыре, где уже неизвестно что думает обо мне голодная балерина кордебалета и восходящая звезда. Хоть бы не ревела. Не выношу женских слёз.

То, что сказал Зубр, не выходило у меня из головы.

Эх, Женя-Женя, скажи, как угораздило твоих друзей оказаться такими про-активными? Кажется, на самом деле, тебе придётся выбирать: жизнь или сцена. И мне тоже.

Я подумал с тяжёлым, как грипп, чувством в груди, что выбор очевиден. Мда, Женя, прости…

Глава 9

Терминатор

Меня сложно просчитать, ибо по натуре я ходячий парадокс – люблю риск и осторожность. Да, они как бы на противоположных чашах весов, но в этом моя суть. Поэтому я распихал по карманам внутренний сумбур и ажиотаж. Заехал в частную клинику, где полированный хирург поставил мне нормальные скобы на голову, интеллигентно поиздевавшись. Навестил МакДональдс, наблюдая за возможным «хвостом». Как назло серых Калин расплодилось, будто кроликов

весной и нельзя было исключать, что Миха, будучи опытным оперативником, уже пересел на другую тачку.

Поэтому я, как записной параноик, проехал в «шанхай», расположенный на спуске к Дону. Покружил по извилистым переулкам, где новёхонькие высотки соседствовали с хибарами, помнящими Соньку Золотую Ручку, где в ржавчину кованых ворот въелись разговоры шпаны, а в каждом дворике имелось по нескольку выходов на случай облавы. И даже сегодня персонажи у ветхого крыльца одним выражением физиономий оправдывали гордое звание детей Ростова-папы. Я не рассматривал этот дореволюционный колорит, подпорченный соседством с ультрасовременной архитектурой, меня по-прежнему интересовала слежка.

То ли Чёрный потерял хватку, то ли я перебдел, но когда я припарковался у старинного многоквартирного дома неопределенной расцветки с облупленными следами серо-буро-малинового, никого за мной не оказалось. Однако я всегда работаю на совесть, если затеялся. Поэтому спросил у дружно несущих вахту на скамейке бабок в пальто:

– Подскажите, пожалуйста, проститутка на каком этаже живёт?

Бабки опешили. Потом разорались. Трое предложили пятый этаж, третий и второй, обложив женскими именами, как матом. А четвёртая смачно меня послала, некстати вспомнив о морали и «куда молодёжь пошла».

Довольная «молодёжь» в моём лице пошла в подъезд. Под ногами скрипнул деревянный пол, не ремонтированный со времен славного послевоенного бандитизма. Тускло крашенные стены, двери-близнецы, выстроившиеся в ряд, человека незнакомого с данным строением, заставили бы усомниться, что проститутки тут достойные. Или потопать наверх, если уж совсем невтерпёж. Я прошёл до самого конца, прилип к грязной стене и глянул из узкого окошка. Внутренний клоун устроил ликующие прыжки с переворотом: рядом с бабками рыжела знакомая макушка. Бинго!

Мысленно послав Чёрного к чертям, я открыл последнюю дверь в ряду и аккуратно закрыл. Узкая лестница хитрого дома-лабиринта вела не вверх с первого этажа, как можно было бы предположить, а вниз – на три. Я рванул по ступеням, как бешеный лось, по коридору и выскользнул на улицу с

противоположной стороны. Оглянулся на остатки крепостной ещё стены, подпирающие историческую насыпь улицы сверху. С благодарностью ростовским бандитам, лет двести назад построившим это здание-уловку-для-воров, в котором по сей день жили люди, я помчался по улице Красных Зорь и за угол. Во трухлявом дворике на Седова с выдохом облегчения выковырнул ключи из-под старого кирпича в стене, сел в «запасную машину» и теперь уже совершенно спокойно поехал к Жене.

?

На светофорах и в очереди в супермаркете, где я сгрёб, как трактор ковшом, всё подряд, я не поленился посмотреть, что действительно происходит в соцсетях по поводу моей балерины. VK пестрил сообщениями, Инстаграму было плевать – там все заняты собственным эго. Но, к моему удивлению, к обычным постам ростовских пользователей присоединились и пара онлайн СМИ.

«Исчезла балерина! Многообещающая юная звезда большой сцены»

«Ушла и не вернулась: последний танец маленького лебедя».

Мда, пафос зашкаливал. Зачем столько шума? Всего лишь ночь и половина дня прошло. Не могла девушка заболеть, напиться, загулять, наконец, с любовником?

?

Я вошёл в дом на берегу реки, сделал несколько шагов вниз и понял: эта не могла. Голодная, испуганная, похищенная и запертая, Евгения репетировала. В тёмном спортивном костюме и гетрах, она держалась за штангу, как за станок, и стояла спиной ко мне. Выставив изящно одну руку в сторону, Женя возила ножкой по полу громадного тренажёрного зала. Тыкала носком, а затем задирала с поразительной лёгкостью так высоко, будто вся состояла из мягкой резины на шарнирах. И ещё, и ещё. Вспомнилась заводная балерина из маминой шкатулки. Такая же точёная, беленькая, идеальная, просто сказочный персонаж. И хрупкая, как стеклянные бабушкины новогодние украшения, привезённые из Германии. Чистая.

Я застыл в дверях, залипнув на её грациозные, чёткие движения. Мелодия из шкатулки, похожая на шарманку мультяшных эльфов, сама собой зазвучала в голове. Трампам-пам, трампам-пам.

Девушка передо мной была так далека от бандитских трущоб, дешёвых проституток, слежек, жаргона, грязных шуток и пошлых намёков, что у меня по спине пробежали мурашки. Она была настоящей и не настоящей одновременно, эта ожившая механическая статуэтка из серебряного века.

«Балерина», – мысленно произнёс я, а фоном пронеслись в голове заголовки, сообщения из лент новостей, слова Зубра и даже измазанная сырой землёй лопата в багажнике Лэнд Крузера. И моё восхищение покрылось понизу грязными потёками и пятнами, как белые брюки в слякоть. Захотелось взять девушку на руки и собой закрыть, чтобы не заляпать.

А Женя продолжала отрабатывать движения уже раз двадцатый. В позе, осанке, посадке головы с туго затянутой дулькой на макушке было столько устремленности и собранности, будто перед ней высилась не стена, а выход наружу. Как минимум, зрительный зал. Даже невольно вспомнилось выражение из советского фильма: «Вижу цель, не вижу преград[7 - Имеется в виду фильм «Чародеи», советская комедия.]».

Вдруг Женя сделала поворот и повернулась ко мне лицом. Большие тёмные глазищи хлопнули длинными ресницами:

– Я думала, ты уже не приедешь! – воскликнула Женя.

– Я же сказал, как только смогу.

– Хорошо, – по-деловому кивнула эта девочка и выставила другую руку в изящную позу, вытянула вперёд носок. – Я решила не терять время.

– Молодец… – Я замялся, как дурак, в дверях.

Женя вскинула подбородок и произнесла так, словно учительница дебилу-второгоднику:

– Мы тренируемся ежедневно по пять часов. Не считая репетиций. Это минимум. Две недели без режима и меня можно отправлять на пенсию. Я не имею права пропускать, хоть у меня и горло болит.

– У тебя горло болит? – обеспокоился я.

– Чайник тут не работает. Да, болит.

Сдержанный голос говорил об обратном, а также о том, что она не слишком рада меня видеть. Я почувствовал досаду. Но не плачет, уже соль. В общем, молодец. Может, у неё так стресс выходит? Не каждый день тебя убивают… Меня хуже колбасило, когда в первый раз мимо уха пуля пролетела. Поэтому я постарался быть дружелюбным:

– Так, Женя, я купил продукты, не знаю, что ты ешь, поэтому прихватил всего и с запасом, так как вырваться было сложно. И не знаю, когда снова получится. Пойдём разбирать пакеты.

– Я доделаю батман, иначе потом снова разогревать мышцы.

– Ладно.

Она снова меня удивила. Нахмурившись, я развернулся и пошёл разгружать мою непримечательную Ниву Шевроле. Когда тянул в дом на плечах две девятнадцатилитровые бутыли, Женя показалась в кухне уже в куртке.

– Ой, зачем всего так много?! – опешила она, оглядывая меня и бесчисленные белые пакеты с логотипом торговой сети.

– Лучше больше, чем меньше, – буркнул я.

Она посторонилась и пробормотала:

– Два-три дня же всего! Этого на месяц на всю нашу труппу хватит! – Она увидела палку сырокопчёной колбасы и поморщилась: – Мяса я не ем.

Я с грохотом поставил на пол кухни бутылки и выпрямился. Отряхнул руки:

– Значит, будешь в бродячих собак кидаться, – ответил я и, обозлённый, чуть не ляпнул: «Чтобы они на «кости» не бросались».

Но Женя сунула нос в другой пакет и с восторгом из него вынырнула. Голос её зазвучал совсем по-иному, внезапно высокий, радостный, как звонок:

– О, Боже, грейпфрут! Какой румяный! Спасибо! Это как раз то, что я ем на завтрак! Спасибо, спасибо тебе! Не знаю, как благодарить! Я кошмарно голодна!

Она улыбнулась, всплеснула руками, и я мгновенно размяк, подумав, что в наше время девушки так не выражаются. Её воспитывали при монастыре и не давали в руки айфон?

Женя потупилась и слегка покраснела.

– Извини, пожалуйста, я подумала, что ты про меня забыл. Испугалась. Рассердилась. Это было несправедливо по отношению к тебе.

– Дела, прости. Там где-то есть ножик и разделочная доска, – сообщил я. – Чай, кофе, сахар, тостовый хлеб и сыр с маслом к завтраку.

– Что ты! – удивилась она. – Я же так вес наберу, а мне никак нельзя. Достаточно одного яйца и половину грейпфрута. Идеальный рацион!

Хм… И копыта отбросить.

– И ещё, – она вдруг молитвенно сложила на груди руки, – Сергей, простите за неуместность просьбы, но мне нужен планшет или ноутбук. Или хотя бы что-то, куда я могу вставить флэшку. Я придумала, как приспособить зеркало из ванной, хоть оно и маленькое. Мне нужно учить роль! Очень-очень нужно!

Внутри у меня всё возмутилось. Захотелось воскликнуть: «Женя, ты что?! Какую роль, окстись! С ролями закончено! И точно не на три дня!»

Но она смотрела меня с такой надеждой, словно я был волшебником на голубом вертолёте, у которого за пазухой пространственный карман и целый мир в

сжатом виде. Я открыл рот и сказал:

– Женя…

– Да?

«Ролей больше не будет».

У неё глаза, как два озера…

В долю мгновения в моей голове пронеслось её лицо, когда она узнает, что теперь будет под вечным прицелом. Мои неуклюжие фразы про неудачное стечение обстоятельств и активных поисковиков, про то, что теперь можно не репетировать и кушать всё вагонами. Про то, что надо относиться философски и есть другая жизнь, образование, увлечения, что я постараюсь организовать ей другое имя по своим каналам… Что так уж вышло. И следом представил, как Женя будет переживать это одна. Сутками одна в этом пустом, недоделанном доме. И плакать. Или делать глупости. Она точно их наделает.

В груди стало неудобно, а во рту сухо. Женя смотрела на меня, тёмная синева в глазах плескалась надеждой. Я кашлянул и продолжил:

– Хорошо, не проблема. Я привезу тебе планшет. И зеркало установлю. Но, может, нужно побольше размером купить, не из ванной? Тут строительный гипермаркет по дороге…

Она моргнула и облизнула губы, разволновавшись.

– Но разве это удобно, так можно?..

– Удобно. И можно, – усмехнулся я и достал из пакета кастрюльку. – А в этом сваришь себе яйцо. И мне заодно. Я скоро вернусь.

И вышел за порог.

Глава 10

Женя

Ни утром, ни в полдень, ни в час дня Терминатор явиться не соизволил. В моём и без того мутном состоянии забрезжило беспокойство. А если он попал в аварию, потерял координацию после удара по голове? Или его поймали «свои» или «чужие» – причём точно не понятно, кто в данном случае кто. Что мне делать, если Терминатор больше не вернётся? Должна ли я ему доверять?

Паника гнездилась где-то рядом, но я не позволила ей меня захватить – вчера и так хватило через край. Я обошла весь дом, подёргала двери, те были заперты качественно. Пластиковые окна установлены без ручек и запросто открыть их было нельзя. Я мигом сообразила: если бабахнуть гантелей или приволочь штангу из тренажёрного зала, вот вам, пожалуйста, и выход. С калиткой, которую я пристально рассмотрела из кухни, тоже можно было справиться самым варварским способом.

А я смогу. Это я только на вид невесомая. Как потаскаешь с моё ежедневно сумочку с валиком, с двумя-пятью парами пуант, сменной формой, баночками с гелем, мазью, спреем, канифолью, косметичкой, массажным роликом, термосом, балетками и трёхкилограммовой гантелькой, обёрнутой в полотенце, не считая мелочей, накачаешься не хуже бодибилдера. Мне всегда нравилось обманчивое впечатление, которое я произвожу, – эдакая коварная хитрость. Хрупкость и рост – совсем не повод быть уязвимой. Но не против шести человек с пистолетами, конечно.

Чёрт меня дёрнул стоять там, а не броситься к домам или в кусты. Я же быстро бегаю! Мелькнула мысль, что если бы я заказала такси и не зашла к Дорохову, ничего бы не было. Как глупо мы, бывает, портим жизнь, не разминувшись с проблемой на минуту. Всё решают мгновения, какие-то дурацкие секунды!

Я услышала гудок поезда и поняла: тут проходит железная дорога, значит, я точно не заблужусь, если решу сбежать. Но меня что-то останавливало и заставляло верить этому первому встречному. Пока… Мысленно я дала ему время до пяти вечера.

?

Напряжённое ожидание не украшает жизнь, а в «бездействии нет радости». Так говорит моя мама. А я её очень уважаю, не просто люблю. Кстати, маму не отдали в балет родители, хотя её приглашали, – мол, слишком слабое здоровье. Однако любовь к изящному искусству у мамы осталась, и лет с двух я смотрела вместе с ней по телевизору балетные постановки наши и зарубежные, потом кружилась по дому в прозрачной юбочке, пока не сказала: «Я тоже так хочу». В моём случае против был папа, но не долго – мама убедила его, что «мечту зарывать нельзя», и потом он сам возил меня на занятия через весь Питер до зачисления в Академию.

Ничего съедобного в этом пустынном доме я не нашла, поэтому выпила воды и сказала себе, что у меня разгрузочный день. В конце концов, я давно собиралась устроить себе чистку, но не в самолёте же из Китая или на гастролях в тропической жаре было этим заниматься. Так что я глубоко выдохнула и в пустоту комнат заявила:

– Всё хорошо!

Эхо ответило, как если бы я произнесла это со сцены утром, когда вокруг стоит звенящая тишина. В театре она особенная, на контрасте с вечерним многообразием звуков, музыки, голосов.

С мыслью о театре мне стало лучше. Жизнь украшают позитив и дисциплина. Они всегда доступны и бесплатны, только не каждый воспользуется.

Класс у нас, как правило, начинается в десять-одиннадцать, потому я выбрала наиболее подходящее помещение и занялась делом. Час. Второй. Третий…

А если меня уволят за прогулы?

Мысль о том, чтобы выбить окно штангой посетила меня снова, я обернулась и увидела Терминатора. Глаза его блестели очень красноречиво. Это ещё зачем?!

?

Каждый парень в Академии и в театре, мечтает стать принцем, завоевать женские сердца. Но среди них точно не встречается Терминаторов.

«Случилось затмение, и всё, что сейчас происходит, – эпизод, пара дней, и только», – говорила я себе, наблюдая за тем, как Сергей выгружает тонны продуктов из белой машины. Обстоятельный, большой, но не грузный, с определённой мягкостью движений, несмотря на гору мышц. Пожалуй, симпатичный, но мне не нравился, потому что снова казался бандитом. Вчера перед уходом этот налёт преступной романтики будто исчез, а теперь опять проявился. И я поняла: суть не изменишь; не заглушить ароматом цветов запах оружейного масла.

Несмотря на это, я почему-то его не боялась, всё вчерашнее под солнечными лучами представлялось кошмарным сном и неправдой. И вдруг показалось, что я живу тут давно, и Сергей тоже. Что он зарабатывает разбоем, как в девяностые, о которых рассказывал папа, а я почему-то с этим мирюсь… Муж? Я передёрнула плечами от этой мысли. Ни за что не подпущу к себе человека, связанного с криминалом. Я не Кармен, чтобы поощрять подобное. И вообще мне рано думать о замужестве, мне надо танцевать!

Но когда Сергей приехал с зеркалом и начал его устанавливать, откуда-то раздобыв дрель, когда он скинул куртку и остался в джинсах и в одном тонком свитере, обтягивающем мощную фигуру; когда примеривался у стены, спрашивая своим низким, перекатывающимся вибрато голосом: «Выше? Ниже? Подай, пожалуйста, дюбели…», ко мне вернулось то необъяснимое ощущение, словно мы дома. Оба живём тут. И запах оружейного масла почему-то не раздражал.

?

– Уже уходишь? – неожиданно для себя спросила я, когда Терминатор взял в руки куртку, отражаясь в трёх новых зеркалах.

– И так задержался, – отвёл он глаза.

Только сейчас я поняла, что за всё время он ни разу не посмотрел прямо. Неужели стесняется? Я нравлюсь ему – это чувствовалось в каждом его

движении, быстром взгляде; льстило, как любой женщине, и смущало одновременно. Но это просто эпизод.

И я пошла за ним, усиленно отталкивая от себя образ провожающей на работу жены. Мне надо было видеть, что он уезжает, а потом тренироваться, сфокусировавшись на работе.

– А кто тот человек? – спросила я, когда Сергей стоял уже на пороге.

– Какой? – удивился Терминатор.

– Тот, из машины в пруду?

Сергей вытаращился на меня:

– Ты это серьёзно, Женя? Вообще телевизор не смотришь? Новости не читаешь?

– Мне некогда, – пожала плечами я. – Так кто он?

– Чебурашка на золотом унитазе, – усмехнулся Терминатор, засовывая руки в карманы.

– Почему на золотом?

Он ухмыльнулся и качнул головой:

– Очень высокопоставленный. Женя-Женя, ну нельзя же быть настолько аполитичной!

– Нет?

– Нет.

– Зачем мне политика, если я в ней ничего не могу изменить? – спросила я, взяв в руки апельсин из пакета. Крутанула в ладони, почему-то волнуясь. – Вот ты? Разве ты можешь?

Он рассмеялся и махнул рукой:

– Не скучай!

А у меня всё в груди завибрировало, отражаясь от его низкого, бархатного смеха.

В тот момент я не понимала, насколько сильно я ошибаюсь…

Глава 11

Женя

«А вдруг он влюбился в меня?» – подумала я и сама удивилась, вставляя флэшку в совершенно новый ноутбук с большим экраном.

Хотя я и так была поражена происходящим. Несмотря на высказанную просьбу, я совсем не ожидала ни того, что Сергей её выполнит, ни установки зеркал, ни горсти лекарств для лечения больного горла. Казалось, попроси я снести стену, он возьмёт кувалду и сделает это без лишних слов. Разве так бывает? Почему он ведёт себя подобным образом? Да, спас, спасибо ему огромное! Но остальное? Ведь не обязан.

Я смешалась и прикусила палец, как обычно, когда мне сложно до чего-то додуматься.

Всё-таки его поведение было мне не ясно и потому настораживало. Среди балетных проще понять мотивы и стремления, а Терминатор был представителем неизвестного для меня мира, почти с другой планеты, причём той, до орбиты которой даже мои случайные мысли не долетали.

А, может, он испытывает чувство вины? Или жалости? От последнего меня передёрнуло – жалкой быть не хочу, ни за что!

Нет, – сказала я себе, отгоняя раздумья прочь, – он просто ответственный: взял на себя обязательство и несёт. То, что я кажусь ему привлекательной, просто бонус. В конце концов он вообще принял меня за ребёнка!

Я выпрямилась, встряхнула головой и ткнула на пуск в видео-проигрывателе. Зазвучало вступление к балету: сказочное, таинственное. Сразу вспомнились декорации зимнего леса, их рисовали будто наяву флейты, скрипки, басы. Народные мотивы вплетались в классические ноты, как морозные узоры на окне, – красиво! По коже пробежали мурашки.

Жаль, сейчас не осталось ни снежных морозов, ни стекла для природного орнамента – один сплошной пластик! Хорошо, что есть Чайковский, хорошо, что есть балет – напоминание о настоящем искусстве, а не пластик вкусов и нынешних танцполов!

Моя душа обрадовалась: самым нормальным, естественным и жизненно оправданным в данной ситуации была музыка! Как мне её не хватало! Захотелось пропитаться ею насквозь, как тонким ароматом, чтобы и следа не осталось от оружейного масла и дурных воспоминаний.

Внимательно просмотрев первую картину, я встала, готовясь повторить за Снегурочкой партию. Итак, три шага, ногу назад и вверх, повторить до конца сцены. И ещё раз, и ещё! Пробежать легко, вернуться. Как жаль, что нет педагога рядом.

Привычная работа мышц, позвоночник в струнку, сосредоточилась и пустилась в тур шенэ – череду поворотов наискосок по залу. Энергия пронеслась по телу и… я чуть не въехала носом в тренажёр. Чёрт! Чёрт! Чёрт!

Мне очень нужен Терминатор! Как только явится, попрошу, чтобы расчистил пространство от лишних железяк! А лучше скорее вернуться к обычной жизни. Как глупо было не попытаться выспросить у него больше о реальном положении вещей!

Музыка меня не ждала, она улетела дальше, и я пошла ставить трек на самое начало. В голову полезло глупое: нет, действительно, он в меня не может быть влюблён. Разве можно влюбиться так сразу? Я не верю в любовь с первого взгляда, и со второго тоже. Вообще большие чувства требуют больших жертв, а

для меня главное – балет! Я давно это себе сказала, ещё на третьем курсе.

И всё же подумалось о Мизгире, который влюбился в Снегурочку, едва увидев её. Забыл о своей весёлой, красивой невесте Купаве, полной жизни и любви, и переключился на холодное мистическое существо из леса. Лично мне всегда больше нравилась Купава… Я наморщила нос и постучала пальцами по корпусу ноутбука. Но всё это не важно, я должна вживаться в роль, и не Купава ныне уходит в декрет.

?

Итак, кто она, Снегурочка? Прекрасная, как зимний узор, льдинка! Холодная и бесчувственная, её сердце не умеет любить, и ей, такой тонкой, летящей, как зимняя вьюга, движет только любопытство. И уговаривающие её Снежинки правы: человеческие чувства опасны, они вообще противоестественны для ледяной девушки. Что станет с самой красивой сосулькой, если поднести её к тёплым губам? Правильно, она растает!

Перестав думать о чём-либо, помимо роли, я репетировала до поздней ночи. И весь следующий день тоже. Терминатора не было, значит, занят. Даже хорошо, что никто не отвлекает от работы – настоящая концентрация!

Лишь вечером, вспомнив о еде, я поднялась на кухню, зажгла свет и, заварив себе чаю, подошла с горячей кружкой в руках к окну. На фоне ярко жёлтого освещения оно казалось просто большим синим квадратом. Прислонившись носом к холодному пластику, я вдруг увидела крошечные снежинки, летящие в столпе света, струящегося из дома на улицу.

«Сёстры, – улыбнулась я. – Я ведь тоже Снежинка!»

Я долго смотрела на их танец, с некой досадой понимая, что такой воздушной лёгкости мне никогда не добиться. Но пока нет хореографа, почему бы не поучиться у природы? Я выключила свет и снова прильнула к окну. Натруженные мышцы болели, чай остывал в кружке, а я, словно в трансе, пыталась повторить расслабленной рукой танец крошечных дочерей метели. Мысленно слиться с ними, стать стихией, позволить телу раствориться и почувствовать. Тихо-тихо, под вальс снежных крошек в темноте, звучал в моей голове Чайковский.

И вдруг в этой блаженной, медитативной тишине, послышалось шуршание шин. Кто-то дёрнул калитку и заскрежетал ключом.

Терминатор?! – радостно подпрыгнуло сердце и тут же сжалось: – Но почему он не открыл ворота?

?

Лязг железа, скрип петель, слепящая клякса фонаря по ночному двору.

Точно не он! – быстрее, чем ползающий луч коснулся окна, сообразила я.

Юркнула к стене, присела на корточки и тут же спохватилась, вспомнив про кружку на подоконнике: дыму из жидкости неоткуда было появиться в пустом доме!

Та самая рука, которая только что повторяла танец снежных хлопьев, превратилась в конечность Кентервильского привидения и буквально слизнула за ручку кружку, чтобы бесшумно переставить на пол.

Шаги! Эти шаги по каменной плитке двора, шуршащие, крадущиеся, они пугали до озноба. Казалось, сюда прибыл целый полк! Тихо, будто окружая и устраивая засаду, эти шаги распространились по пространству снаружи. И стоило бы бежать без оглядки, но я не могла не попытаться узнать, кто там! Вытянула шею, выглядывая осторожно, только не высовывая носа и с замиранием души надеясь, что мою макушку в самом краю темноты никто не заметит.

Несколько мужских фигур на пятачке перед домом повергли меня в панику. Я оглянулась, прикидывая, как незаметно пробраться от окна к дверям, сетуя, что здесь нет толком ни мебели, ни штор, а мелькнув за огромным, почти панорамным окном мой светлый свитер привлечёт внимание. Вряд ли это охотники за привидениями. Боже мой, или именно они?! Без иронии и метафор, ведь для прочего мира я уже мертва…

Я облизнула сухие, как лист калины, губы, и продолжила следить за передвижениями фигур. Они были слишком близко к окну, но прямо не смотрели. По спине пробежали мурашки.

Куда мне спрятаться? И как? Неужели ползком? Да, наверное. Потом, пригнувшись, скользнуть на лестницу, вниз по ступеням и бежать! Запереться изнутри спальни!

А если у них есть ключ? Ножку стула под ручку! Я подумала о гантели и штанге.

И вдруг сердце ощутимо сжалось в груди: а если они обо всём узнали и убили Сергея? Он ведь не шутил об опасности!

Я похолодела. Сердце вспорхнуло под самое горло, рухнуло и забилось, словно ему мешали рёбра. В голове загудело, откуда-то из глубины реального страха струилась, покрывая кожу ледяной кромкой мысль: моего защитника убили? Из-за меня? Этого не может быть! Вообще всего, что происходит сейчас, просто не может быть. Не со мной. Не сейчас. Не на самом деле!

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Первый постановщик балета «Снегурочка»

2

Барышни (франц.)

3

Балетные термины.

4

Кусты, заросли (казачье)

5

Очень тихо (музыкальный термин)

6

Конь Александра Македонского.

7

Имеется в виду фильм «Чародеи», советская комедия.

Купить: https://tellnovel.com/ardo_margarita/ego-snezhinka-pyataya-sprava

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити